

Колин
Маккалоу
Милый ангел

*Время, которое давно ушло.
Люди, которых нельзя не любить.
Чувства, о которых мечтает каждая женщина...*

Колин Маккалоу Милый ангел

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9964393
Милый ангел: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-090083-1

Аннотация

Харриет Перселл с детства мечтает о любви, страсти и о жизни, полной приключений. Ради этого она уходит от своего скучного бойфренда, бросает уважаемую семью и переезжает в район Сиднея, пользующийся дурной славой.

Теперь Харриет окружают совсем другие люди. Здесь у каждого свой секрет и каждый, похоже, обладает особым даром. Квартирная хозяйка Харриет, например, считает себя ясновидящей, а ее маленькую молчаливую дочку все почему-то называют ангелом, и, видимо, неспроста. И когда над девочкой внезапно нависает угроза, Харриет готова рискнуть всем ради, казалось бы, совершенно чужого ребенка...

Содержание

Пятница	5
Суббота	7
Понедельник	8
Среда	10
Четверг	11
Пятница	12
Суббота	13
Воскресенье	18
Пятница	19
Суббота	21
Среда	24
Суббота	26
Воскресенье	29
Среда	34
Суббота	36
Понедельник	42
Вторник	44
Среда	47
Суббота	48
Воскресенье	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Колин Маккалоу

Милый ангел

© Colleen McCullough, 2004

© Перевод. У.В. Сапцина, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Посвящается дорогому другу Максиму Ламберту

Пятница

1 января 1960 года

Как бы мне наконец отделаться от Дэвида? Не подумайте только, что вариант с убийством я не рассматривала: я сразу поняла, что это напрасный труд, как и покупка бикини на те пять фунтов, что бабуля подарила мне на Рождество.

– Отнеси-ка его обратно, дочка, и возвращайся домой с чем-нибудь поскромнее – не из двух предметов, да чтобы нижний этаж был понадежнее прикрыт, – распорядилась мама.

Сказать по правде, и меня ужаснуло собственное отражение: слишком уж многое бикини выставляло напоказ, из-под него торчали черные кустики волос, которые прежний скромный купальник надежно скрывал. Одной мысли о том, что эти миллионы волосков придется выщипывать, хватило мне, чтобы поскорее обменять бикини на купальник, как у Эстер Уильямс¹ моднящего цвета «американская красавица» – розового в красноватой дымке. Продавщица заверила, что в нем я выгляжу обольстительно, но, скажите на милость, кого и как мне обольщать, если несносный Дэвид Меркисон стережет меня, как пес сахарную косточку? А обольщать несносного Дэвида – много чести!

Сегодня температура поднялась выше сотни градусов, и я отправилась на пляж обновить купальник. Прибой был высокий – редкое явление для Бронте, но волны походили на зеленые атласные колбаски, которые у нас называют дамперами. Такие волны хороши для серфинга, но не для плавания. Я расстелила полотенце на песке, густо намазала нос цинковым кремом, натянула купальную шапочку под цвет купальника и побежала к воде.

– Прибой слишком силен, тебя унесет, – послышался голос за спиной.

Дэвид. Несносный Дэвид Меркисон. «Ну, пусть только попробует предложить поплескаться в детском лягушатнике», – подумала я и мысленно препоясала воображаемым мечом обтянутые скромным купальником чресла, готовясь к бою.

– Пойдем лучше в лягушатник, там безопаснее, – продолжал Дэвид.

– Вместе с малышкой, под обстрел песчаных бомбочек? Ни за что! – отрезала я, и схватка началась. Нет, «схватка» не то слово. В запале я орала, а Дэвид не поддавался на провокации и сохранял выражение превосходства. Но в сегодняшней ссоре было применено новое оружие: я наконец-то додумалась известить Дэвида, что мне осточертело быть девственницей.

– Давай переспим! – потребовала я.

– Не дури, – невозмутимо отозвался он.

– Нет, это ты не смей делать из меня дурочку! Все мои знакомые уже давно с кем-нибудь переспали – все, кроме меня! Черт возьми, Дэвид, мне уже двадцать один, а я помолвлена с занудой, который даже целоваться по-настоящему не умеет!

Он снисходительно хлопнул меня по плечу и сел на полотенце.

– Харриет, – начал он своим обычным спесивым и манерным тоном ученика католического колледжа, – нам пора назначить дату свадьбы. Я получил докторскую степень, в ГОНПИ² мне предложили свою лабораторию и грант. Мы знакомы четыре года и год как помолвлены. Половая жизнь вне брака – грех. А в браке – нет.

Ох!

¹ Королева водных мюзиклов, самая дорогая «русалка» Голливуда. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² ГОНПИ (CSIRO) – Государственное объединение научных и прикладных исследований, самая крупная научно-исследовательская организация Австралии.

– Мама, я хочу разорвать помолвку с Дэвидом, – объявила я, едва вернувшись с пляжа, где так и не окропила морской водой новый купальник.

– Так и объясни ему, дорогая, – ответила она.

– А ты когда-нибудь пробовала втолковать Дэвиду Меркисону, что больше не хочешь за него замуж? – осведомилась я.

Мама усмехнулась:

– Ну что ты! Я ведь уже замужем.

Терпеть не могу все эти мамины шуточки на мой счет!

Но сдаваться я не собиралась:

– Знаешь, в чем беда? В том, что мне было всего шестнадцать, когда мы познакомились, семнадцать, когда начали встречаться, и в то время мне так нравилось выходить в люди с парнем, что я против него ничего не имела. Но какой же он... рассудительный! Я уже совершеннолетняя, а он обращается со мной так же, как в мои семнадцать! Я чувствую себя мушкой, застывшей в янтаре!

Мама у меня понимающая, разводить мораль она не стала, но озабоченно нахмурилась.

– Харриет, не хочешь выходить за него – и не надо. Но поверь мне, дорогая: Дэвид – завидный жених. Симпатичен, хорошо сложен, с блестящим будущим. Вспомни, что стало с твоими подругами, особенно с Мерл. Все они связались с парнями, которым недоставало зрелости и благоразумия Дэвида, и поплатились за это. Ничего у них не вышло. А Дэвид будет твоей верной тенью, можешь не сомневаться.

– Знаю, – сквозь зубы процедила я. – Мерл мне все уши прожужжала о Дэвиде – прямо божок какой-то, просто я не понимаю, как мне повезло. А по мне, так он хуже прыща на заднице! Я встречаюсь с ним так долго, что другие парни на меня и смотреть не хотят, – да я же из-за него и мужчин толком не узнаю, черт возьми!

Но мама уже не слушала. Родители всегда были на стороне Дэвида, с самого начала. Будь у меня сестра или братья-сверстники... как же это трудно – быть чужой ошибкой! Гэвину и Питеру уже за тридцать, они все еще живут с нами, водят к себе женщин и трахаются с ними в нашем старом фургоне на непромокаемом матрасе, помогают папе продавать товары для спорта в нашем магазине, в свободное время играют в крикет – вот это жизнь! А я обитаю в одной комнате с бабулей, которая писает в горшок и выливает его в траву на заднем дворе. Вонь стоит – хоть нос зажимай.

– Радуйся, Роджер, что не на соседское белье выплескиваю, – отвечает бабуля на все папины упреки.

А дневник – это удачная мысль! Хватит с меня чокнутых психиатров, теперь мне есть кому «излить досаду и подавленные чувства». Вести дневник мне посоветовала Мерл – подзреваю, ей страсть как хочется хоть одним глазком заглянуть в него, но шансов у нее никаких. Дневник я приспособилась прятать, прислонив к плинтусу под бабулиной кроватью. Поближе к горшку.

Сегодняшние желания: чтобы никаких дэвидов меркисонов в моей жизни. Никаких горшков. Никаких колбасок с карри. Собственная комната. И кольцо, подаренное в честь помолвки, – чтобы швырнуть его в лицо Дэвиду. Кольца он мне так и не подарил, сказал, что нечего попусту транжирить деньги. Жадина!

Суббота

2 января 1960 года

У меня есть работа! В прошлом году сразу после сдачи выпускных экзаменов в Сиднейском техническом колледже я подала заявление в рентгенологическое отделение Королевской больницы, претендуя на вакансию лаборанта, а сегодня почтальон принес известие, что меня приняли! С понедельника приступаю к работе в должности старшего лаборанта самой большой больницы Южного полушария – на тысячу с лишним коек! По сравнению с ней моя альма-матер, больница Райд, – утлая лодчонка рядом с лайнером «Куин Элизабет». Правда, сейчас, с высоты опыта, мне кажется, что напрасно я попросилась на стажировку в больницу Райд, но в то время, когда Дэвид предложил мне ее, охотно согласилась. Старший брат Дэвида, Нед, служит там ординатором, вот я и подумала, что хорошо иметь своего человека в стане врага. Ха! Он пас меня не хуже овчарки. Стоило только кому-нибудь из ребят взглянуть в мою сторону, чертов Нед Меркисон ясно давал ему понять: я девушка его брата, а чужое не трожь! Поначалу я не возражала, но, когда мало-помалу переросла подростковую неуверенность и застенчивость и стала задумываться, что с Иксом или Игреком было бы неплохо встретиться, такая опека начала меня здорово злить.

Впрочем, у стажировки в Райде имелся один плюс. До больницы приходилось добираться из Бронте два часа общественным транспортом, а готовиться к занятиям в автобусе – совсем не то, что в резиденции Перселлов, то есть у нас дома, когда бабуля с мамой усаживаются перед телевизором, а мужчины целый вечер моют посуду и без умолку тарахтят про свой крикет. В гостиной – Клинт Уокер и Ефрем Цимбалист, в кухне – Кит Миллер и Дон Брэдмен³, между гостиной и кухней – ни одной двери, а единственное пригодное для занятий место – обеденный стол. Нет уж, лучше автобус или электричка. И что бы вы думали? Я всем утерла нос! Сдала все экзамены на «отлично». Потому меня и взяли в Королевскую больницу. Когда стали известны результаты экзаменов, мама и папа опять попеняли мне: мол, напрасно я после окончания школы Рэндвик отказалась поступать в универ на естественно-научный или медицинский. Если уж на рентгенолога я выучилась, значит, амбиции у меня есть. Но кому он нужен, этот универ? Служить мишенью для насмешек всех этих самцов, которые не желают видеть женщин в своей профессии? Нет, это не для меня!

³ Клинт Уокер – американский киноактер; Ефрем Цимбалист – русский эмигрант, выдающийся американский скрипач, композитор и дирижер; Кит Миллер – популярный американский киноактер; Дон Брэдмен – прославленный австралийский крикетист.

Понедельник

4 января 1960 года

Утром явилась на работу. К девяти. До Королевской больницы гораздо ближе, чем до Райда! Если последнюю милю с небольшим пройти пешком – всего-то двадцать минут езды на автобусе.

Резюме я посылала почтой, поэтому в больнице никогда раньше не бывала, только проезжала мимо несколько раз, когда мы ездили к кому-нибудь в гости или торопились на пикник. Вот это больница! Целый город со своими магазинами, банками, почтой, подстанцией, прачечной, которая даже выполняет заказы отелей, мастерскими, складами – здесь найдется все что угодно. Тот еще лабиринт! Минут пятнадцать нужно, чтобы быстрым шагом дойти от главных ворот до рентгенологии, а попутно ознакомиться со всеми архитектурными стилями, какие только появлялись в Сиднее за последние сто лет. Четырехугольные строения, веранды с колоннадами, постройки из песчаника и красного кирпича, уродливые современные здания со стеклянными фасадами – ну и жарница в них, наверное!

Похоже, тут работает не меньше десяти тысяч человек. Сестры закутаны в столько накрахмаленных одежек, что напоминают хрустящие зеленовато-белые пакетики. Бедняжкам приходится носить толстые коричневые чулки и ботинки на шнурках и без каблуков! Даже Мэрилин Монро растеряла бы весь шарм в плотных чулках и на плоской подошве. Шапочки сестер смахивают на сидящих рядышком белых голубков, манжеты и воротнички целлулоидные, подолы доходят до середины икры. Старшие сестры выглядят, как все остальные – разве что не надевают передников, вместо шапочек носят развевающиеся косынки, похожие на головные уборы древних египтян, чулки на них нейлоновые, а ботинки – на квадратных пятисантиметровых каблуках.

Я с самого начала знала, что не выдержу всей этой армейской, бессмысленной дисциплины и муштры, – это все равно что терпеть насмешки парней из универа, ревниво оберегающих мужские заповедные места. Хорошо еще, нам, лаборантам, полагается носить белые халаты (длина – строго ниже колен), нейлоновые чулки и ботинки на плоской подошве, но без шнурков.

Здесь, должно быть, сотни «физаков» – физиотерапевтов. Терпеть не могу физиков. Ну скажите, что они умеют, кроме массажа? Зато гонору сколько! А эта их солидарность, показное рвение и снисходительность, будто все кругом рядовые, а они – офицеры и нет у них другой заботы, кроме как скалить лошадиные зубы да цедить: «Салаги!» и «Класс!».

Мне повезло: из дома я вышла пораньше, в лабиринте ни разу не сбилась с дороги и явилась в кабинет старшей сестры Топпингем вовремя. Ох и фурия! Пэппи говорит, что ее все зовут сестрой Агатой, ну и я тоже буду – за глаза, конечно. На вид сестре Агате лет тысяча, когда-то она была просто сестрой в отделении и потому до сих пор носит накрахмаленную древнеегипетскую косынку. Вся она какая-то грушевидная – фигура грушей, нос грушей, даже акцент на вкус отдает грушей. Глаза у сестры Агаты блекло-голубые, как морозное утро, и смотрят на меня, как на мазок копоты на оконном стекле.

– Для начала, мисс Перселл, займетесь рентгенографией грудной клетки. Легкие – это просто, справитесь. На первом этапе все наши новые сотрудники выполняют элементарную работу. А потом посмотрим, на что еще вы способны, договорились? Вот и славно, вот и славно!

Тоже мне задача! Грудная клетка! Ставишь пациентов вплотную к вертикальной панели и строгим голосом велишь задержать дыхание. Оказалось, сестра Агата имела в виду амбулаторных больных – ходячих, с несерьезными диагнозами. Снимки легких делаем мы

втроем: я и еще двое младших лаборантов. Только вот темных комнат катастрофически не хватает: фотокассеты приходится обрабатывать молниеносно, и стоит замешкаться дольше положенных девяти минут – в дверь уже ломаются.

Как ни странно, работают в лаборатории одни женщины. Аномалия какая-то! У рентгенологов приличная зарплата, достойная мужчин, потому они и рвутся в лаборатории толпами – в Райде, к примеру, захватили все рабочие места. А в Королевской больнице разница в том, что заправляет лабораторией сестра Агата, стало быть, не такое уж она чудовище, если берет на работу своих.

С моей ассистенткой я познакомилась в унылом закутке с туалетами и нашими шкафчиками. И она мне сразу понравилась – больше, чем все здешние лаборантки. Мои подопечные неплохие девчонки, но еще совсем зеленые – что с них возьмешь? А с ассистенткой Папеле Сутама так интересно! Редкое имя, и внешность у его хозяйки редкостная. Удивительный разрез глаз, я сразу так и поняла, что у нее есть примесь китайской крови. Именно китайской – у японок не бывает таких стройных и ровных ножек. Позднее выяснилось, что она и вправду китаянка. Хорошенькая – чудо! Розовые губки бантиком, скулы – умрешь от зависти, тонкие бровки. Все зовут ее Пэппи, это имя ей идет. Хрупкая, как статуэтка, ростом всего пять футов, тоненькая, но на жертву Освенцима не похожа – не то что все эти пациентки с нервной анорексией, которых направляют к нам на обследование психиатры. И чего ради девчонки мортят себя голодом? Но вернемся к Пэппи. А кожа у нее – шелк цвета слоновой кости!

Оказалось, я Пэппи тоже понравилась, а когда она узнала, что я прихватила к обеду бутерброды из дома, то предложила съесть их на травке возле морга. От рентгенологии до морга рукой подать, но стоит он чуть в стороне, так что сестра Агата нас не выследит. Сама сестра Агата не обедает – некогда, надо охранять владения. Ясное дело, на целый час нас никто не отпускает, особенно по понедельникам, когда в обычный рабочий день приходится втискивать все дела, накопившиеся за выходные. Но нам с Пэппи и тридцати минут хватило, чтобы познакомиться поближе.

Первым делом она сказала, что живет в Кингс-Кроссе. Ух ты! Об этом районе Сиднея папа отзывается презрительно, а бабуля называет его вертепом. И скопищем пороков. Из пороков я знаю только пьянство и проституцию. И того, и другого в Кингс-Кроссе полным-полно, если верить преподобному Алану Уокеру. Он же методист, образец праведности. В Кингс-Кроссе живет «ведьма» Розалин Нортон, которую вечно ругают в новостях за то, что она рисует похабные картинки. Я спросила Пэппи, что значит «похабные» – на них люди совокупаются, что ли? А Пэппи ответила только, что каждый все понимает в меру своей испорченности. Пэппи ужасно умная, читает Шопенгауэра, Юнга, Бертрана Расселла и так далее, но о Фрейде она невысокого мнения. Я спросила, почему же она не стала поступать в Сиднейский универ, а Пэппи объяснила, что в школе толком и не училась. Ее мать-австралийку и отца, китайца из Сингапура, разлучила Вторая мировая война. Отец погиб, а мать, которая четыре года провела в японском концлагере Чанги недалеко от Сингапура, сошла с ума. Бывают же люди, у которых не жизнь – трагедия. По сравнению с ними мне не на что жаловаться, кроме Дэвида и горшка. Как родилась в Бронте, так и живу здесь.

Пэппи говорит, что Дэвид – наглядный пример подавления и сдерживания чувств, и винит в этом свое католическое воспитание. У нее есть даже прозвище для всех дэвидов мира – «католики, измученные запорами». Но мне хотелось говорить не о нем, а о том, каково это – жить в Кингс-Кроссе. Да как везде, ответила Пэппи. Ни за что не поверю, слишком много всякого о нем болтают. Умираю от любопытства!

Среда

6 января 1960 года

Опять этот Дэвид. Ну как он не понимает! Если работаешь в больнице, никакого желания нет смотреть эти ужасные, чудовищные европейские фильмы. Дэвиду хорошо в его стерильном, выхолощенном мирке, где смерть подопытной мышки – событие. Но я-то целыми днями торчу там, где люди терпят боль, мучаются, даже умирают! Суровая действительность окружает меня со всех сторон, с меня довольно слез и страданий! Потому я и выбираю фильмы, на которых можно или уж посмеяться, или слегка всплакнуть, – например, когда видишь, как Дебора Керр, прикованная к инвалидному креслу, теряет свою единственную любовь. Но кино, которое любит Дэвид, – оно угнетает. Не просто печалит, а гнетет.

Все это я пыталась втолковать ему, когда он пообещал сводить меня на премьеру фильма в «Савой». Только сказала, что терпеть не могу не гнетущее, а противное кино.

– Великая литература и кино противными не бывают! – отрезал он.

Но когда я предложила ему помучиться в «Савое», пока я смотрю вестерн в «Принце Эдварде», Дэвид соорудил такую мину, что я сразу поняла: помеси проповеди и обличительной речи мне не миновать. Пришлось капитулировать и тащиться в «Савой», на «Жервезу» – по роману Золя, как объяснил мне Дэвид после сеанса. Я чувствовала себя досуха выжатой тряпкой, иначе и не скажешь. Действие фильма происходило в огромной французской прачечной. Для героини, такой юной и хорошенькой, не нашлось мало-мальски приличного ухажера – одни лысые толстяки. Похоже, и Дэвид со временем облысеет: пока мы с ним встречаемся, волосы у него заметно поредели.

Дэвиду втемяшилось доставить меня домой на такси, а я бы с удовольствием прошлась до пристани и села в автобус. Мой провожатый всегда приказывает таксисту остановиться у нашего дома, потом увлекает меня в переулок, в темноте хватает за талию и чмокает в губы – трижды, но так благопристойно, что даже папа римский не осудил бы его. Дождавшись, когда я скроюсь за дверью, Дэвид катит к себе – он живет в четырех кварталах от нас вместе с матерью-вдовой. Правда, у Дэвида еще есть просторное бунгало на Куджи-Бич, но оно сдано семье эмигрантов из Голландии – Дэвид говорил, они чистюли, каких мало. С трудом верится, что у Дэвида в жилах кровь, а не вода. К моей груди он ни разу не притронулся даже пальцем! На кой черт тогда она мне сдалась?

Дома я нарвалась на братцев: шумно прихлебывая чай, они потешались над подсмотренным ритуалом прощания в темном переулке.

Сегодняшнее желание: научиться экономить по пятнадцать фунтов каждую неделю, чтобы к 1961 году сбережений как раз хватило на двухнедельный отпуск в Англии. Дэвид вряд ли увяжется за мной – на кого он оставит подопытных мышей?

Четверг

7 января 1960 года

В субботу наконец-то увижу Кингс-Кросс своими глазами: Пэппи пригласила меня на ужин. На всякий случай не стану объяснять маме с папой, где она живет, скажу только, что недалеко от Пэддингтона.

Сегодняшнее желание: только бы Кингс-Кросс меня не разочаровал!

Пятница

8 января 1960 года

Вчера Уилли всех нас перепугал. Подобрать птенца какаду и притащить его домой – это у нашей мамы в порядке вещей. Уилли был таким тощим и жалким, что поначалу мама поила его из пипетки теплым молоком, сдобренным трехзвездочным бренди, который мы прибегаем, чтобы ублажать бабулю. Клюв у птенца был еще слишком мягким, чтобы лущить семена, и мама перевела его на овсянку все с тем же бренди. Мало-помалу Уилли вырос в упитанную, холеную белую птицу с желтым хохолком и грудкой, вечно заляпанной засохшей овсянкой. Мама всегда кормила попугая из блюдца с зайчиками, последнего из моих детских. Но вчера блюдце разбилось, пришлось накладывать овсянку для Уилли в блюдце цвета желчи. Едва увидев, что ему подали, попугай перевернул блюдце вверх дном и заверещал так пронзительно, что в Бронте проснулись все собаки, а папу навестили два парня в синих мундирах, прибывшие в полицейской машине.

Не зря я столько лет подряд читала детективы – видно, дедуктивный метод я освоила так успешно, что даже под отчаянные вопли попугая и нестройный собачий лай сделала сразу два вывода. Во-первых, попугаи достаточно умны, чтобы отличать блюдечки с симпатичными зайчиками по краю от грязно-зеленых тарелок. Во-вторых, Уилли – законченный пьяница. Увидев, что ему подали не то блюдце, он понял, что бренди ему больше не достанется, и рассвирепел от абстинентного синдрома.

Сегодня днем в Бронте был восстановлен мир и покой. В обеденный перерыв я на такси объездила чуть ли не весь город в поисках нового блюдца с зайчиками. Пришлось прикупить к нему и чашку – аж за два фунта и десять пенсов! Все-таки славные у меня старшие братья, Гэвин и Питер. Они возместили мне две трети суммы, поэтому я потратила всего одну треть. Глупо, да? Но этот психованный попугай – мамин любимец.

Суббота

9 января 1960 года

Кингс-Кросс меня ни чуточки не разочаровал. Я сошла на остановке, не доезжая до Тейлор-сквер, и остаток пути проделала пешком, припоминая указания Пэппи. Видно, в Кингс-Кроссе принято ужинать поздно: меня пригласили к восьми, из автобуса я вышла, когда уже совсем стемнело. Пока я шагала мимо больницы Винни, начался дождь – сначала накрапывал еле-еле, но потом пришлось прятаться от него под розовым зонтиком с оборкой. На огромном перекрестке я наконец уверовала, что попала в самый центр Кингс-Кросса: стоя посреди мокрого тротуара, я видела его слепящие неоновые огни и рассекающие тьму фары машин совсем иначе, чем из окна такси. Здорово! Не могу понять только, как местные торговцы обходят пуританские «законы выходного дня»: в субботу вечером все магазины были открыты! Правда, обидно, что мне так и не довелось пройти мимо магазинов на Дарлингхерст-роуд⁴ – пришлось свернуть на Виктория-стрит, к Дому. Это Пэппи так почтительно зовет его – Дом, и пишет с большой буквы. Будто это учреждение. Ноги так и несли меня мимо особняков с террасами.

Обожаю ряды старых викторианских домов с террасами в центре Сиднея – жаль, что их уже почти не осталось. С них содрали чугунное литое кружево, заменили его листами шифера, балконы переделали в лишние комнаты, стены оставили облупившимися. Но все равно эти дома кажутся мне по-настоящему таинственными. Окна со шторами из манчестерских кружев или коричневыми бумажными жалюзи похожи на закрытые глаза. Сколько же они повидали! Нашему дому в Бронте всего двадцать два года, папа выстроил его, когда Депрессия пошла на спад и его магазин снова начал приносить прибыли. Так что наш дом ничего и не видел, кроме нас, а мы – скучное зрелище. Для нас разбитое блюдо Уилли – уже событие, единственный случай, когда к нам нагрянула полиция.

Идти по Виктория-стрит до Дома пришлось долго, и я заметила, что на этом конце улицы на домах с террасами еще сохранилось чугунное литье, а сами дома недавно выкрашены и вообще ухоженны. Неподалеку от Чаллис-авеню улица становилась шире и заканчивалась полукруглым тупиком. Наверное, у городского совета кончился асфальт, потому что тупик вымостили небольшими квадратными деревяшками; ни одной припаркованной в нем машины я не заметила. Все пять домов с террасами, полукругом разместившихся вокруг тупика, будто явились из другого века. Все под номером семнадцать: 17a, b, c, d и e. Средний, 17c, и есть тот самый Дом. На сказочной парадной двери рубиновое стекло изукрашено резными лилиями, сквозь которые виднеется второе стекло, прозрачное; фаски светятся изнутри янтарным и лиловым сиянием. Незапертую дверь я просто толкнула и вошла.

Но волшебная дверь привела не в сказку, а в запущенную переднюю. Стены здесь выкрашены грязно-кремовой краской, деревянная лестница ведет вверх, на длинных витых шнурах висит пара пыльных и грязных лампочек без абажуров, мерзкий бурый линолеум покрывают выбоинки от каблуков-шпилек. От самых плинтусов на высоту примерно четырех футов стены сплошь покрыты какими-то надписями и непонятными каракулями – разноцветными, судя по виду, оставленными мелками для рисования.

– Добрый вечер! – крикнула я.

Из-под лестницы вынырнула приветливо улыбающаяся Пэппи. Наверное, я вытаращилась на нее просто неприлично, потому что не сразу узнала. Вместо больничной тускло-розовой формы, которая никому не идет, и шапочки, прикрывающей волосы, на Пэппи было

⁴ Район, где тусуются геи.

облегающее, как вторая кожа, сапфирово-синее атласное платье, расшитое драконами. В длинный разрез левая нога виднелась до самого верха чулка и кружевной подвязки. Блестящие волосы падали на спину густым прямым потоком – мне бы такие! У меня волосы тоже черные, но такие курчавые, что, если отрастить их хоть немножко, они будут похожи на взбесившуюся метлу. Вот я и кромсаю их ножницами.

Пэппи провела меня через дверь в конце коридора за лестницей, и мы попали в еще один коридор, покороче, который уходил вбок. Откуда-то в коридор вливался свежий воздух. В стене была всего одна дверь, которую Пэппи и открыла.

За дверью обнаружилась сказочная страна. Сколько книг – аж стен не видно, только книги, книги, книги, до самого потолка, да еще стопками повсюду на полу: наверное, Пэппи убрала их со стульев и стола к моему приходу. Я несколько раз пыталась пересчитать книги, но всякий раз сбивалась со счета. Отвлекала коллекция фонарей и ламп: две стеклянные, расписанные стрекозами, глобус на подставке, индонезийские керосиновые, переделанные в электрические, одна из них – похожая на белую дымовую трубу высотой шесть футов, расписанная лиловыми загогулинами. Для свисающей с потолка лампы абажуром служил китайский бумажный фонарь с длинными шелковыми кистями.

Пэппи закончила готовить еду, которая не шла ни в какое сравнение с якобы китайской из ресторана Ху Флана, с Бронте-роуд. Язык приятно пощипывало от имбиря и чеснока; я умяла целых три порции. Аппетит меня никогда не подводит, только вот никак не удается набрать вес, чтобы перейти с лифчиков размера В на С. Черт. У Джейн Расселл полный D, а у Джейн Мэнсфилд – всего-то В, хотя грудная клетка широченная.

После того как мы поужинали и выпили чайник ароматного зеленого чая, Пэппи объявила, что пора подняться наверх, навестить миссис Дельвеккио-Шварц. Домовладелицу.

Я удивилась такому имени, а Пэппи только усмехнулась.

Она провела меня сначала обратно в прихожую, потом вверх по красной лестнице. Подгоняемая любопытством, я шагала следом, вертела головой и повсюду на стенах видела все те же каракули, как в прихожей. Их даже становилось больше. До верха лестницы мы не добрались, свернули к просторной комнате, окна которой выходили на фасад дома, и Пэппи подтолкнула меня вперед. Если бы мне понадобилась полная противоположность комнате Пэппи, она сейчас была передо мной. Пустая. Стены сплошь в каракулях: среди них не осталось места ни на одну черточку. Наверное, поэтому часть одной стены была наспех покрашена – очевидно, она служила неизвестному художнику новым холстом и уже украсилась несколькими мазками. Эту комнату можно было бы разделить на шесть небольших или разместить в ней обеденный стол на двенадцать персон, а она была почти пуста. Только поржавевший хромированный кухонный стол с красной пластмассовой столешницей, четыре таких же изъеденных ржавчиной стула, в прорехи красных сидений которых виднеется грязная набивка, похожая на гной в карбункуле, бархатный диван, страдающий хроническим облысением, и ультрасовременный холодильник с морозилкой. Двустворчатая застекленная дверь вела на балкон.

– Сюда иди, Пэппи! – позвал кто-то.

Мы вышли на балкон и увидели двух стоящих там женщин. Первая явно жила в Восточном предместье, у гавани или в богатых кварталах Северного предместья: крашенные впрямую волосы, парижское платье, заботливо подобранные к нему туфли, сумочка и перчатки из бордовой лайки, крошечная шляпка – элегантнее, чем у королевы Елизаветы. Но тут вперед шагнула миссис Дельвеккио-Шварц, и я забыла про ее собеседницу, точно сошедшую со страницы модного журнала.

Ух ты! Женщина-гора! Не толстая, скорее просто великанша. Ростом под два метра в грязных, заношенных тапочках с примятыми задниками, крепкая и мускулистая. Никаких чулок. Застиранный и неглаженный халат с карманами на боках. На круглом и морщинистом

лице курносой великанши выделялись глаза: голубые с темным ободком вокруг радужки и крошечными пронзительными зрачками, они будто заглядывали прямо мне в душу. Редкие седые волосы хозяйка дома стригла коротко, по-мужски, а брови ее терялись на фоне кожи. Сколько ей лет? По-моему, около пятидесяти.

Как только она перестала сверлить меня взглядом, я вспомнила про свою медицинскую подготовку. Что у нее – акромегалия?⁵ Синдром Кушинга? Но у нее нет ни массивной нижней челюсти, ни выступающего лба, характерных для больных акромегалией, и тем более незаметно особенностей телосложения и волосатости, типичных для синдрома Кушинга. Наверное, что-то с гипофизом, средним мозгом или гипоталамусом, а что именно, не знаю.

Модная картинка вежливо кивнула нам с Пэппи, проскользнула мимо и удалилась в сопровождении миссис Дельвеккио-Шварц. Я стояла у балконной двери, поэтому заметила, как гостя сунула руку в сумочку, вытащила толстую пачку купюр кирпичного цвета – десятки! – и принялась отсчитывать их по несколько сразу. Хозяйка дома стояла перед ней с протянутой рукой, пока не удовлетворилась количеством купюр. Полученные деньги великанша небрежно сунула в карман, а расфуфыренная дамочка из самых дорогих предместий Сиднея покинула комнату.

Миссис Дельвеккио-Шварц вернулась, грузно опустилась на четыре составленных вместе стула и указала нам на два свободных взмахом руки толщиной с баранью ногу.

– Садись, принцесса, садись! – прогрохотала она. – Мисс Харриет Перселл, чтоб мне провалиться! Удачное имя, два раза по семь букв – сильная магия! Духовное прозрение, везение, совершенство в труде, ведущее к счастью, и партия трудящихся тут ни при чем, хе-хе!

Это ехидное «хе-хе» было красноречивее всяких слов: казалось, ее ничем не удивишь – мир только забавляет ее, как большая игрушка. Мне вспомнился смешок Сида Джеймса из комедий «Продолжаем».

Замечания хозяйки насчет моего имени задела меня за живое, и я выложила историю всех Харриет Перселл, о которых знала: рассказала, что до меня это имя носили женщины нескольких поколений и у каждой был свой бзик. Одну Харриет Перселл упрятали за решетку за то, что она кастрировала своего любовника, вторую – за нападение на премьера Нового Южного Уэльса во время митинга суфражисток. Миссис Дельвеккио-Шварц с интересом выслушала меня и разочарованно вздохнула, услышав под конец, что в поколении, к которому принадлежит мой папа, не было ни одной Харриет Перселл: этого имени в семье стали побаиваться.

– Но твой-то папаша не струсил и окрестил тебя Харриет, – подытожила хозяйка. – Славный мальчик! Неплохо бы познакомиться с таким, хе-хе.

Ну уж нет! Руки прочь от моего папы, миссис Дельвеккио-Шварц!

– Он говорит, что имя Харриет ему по душе, а семейные легенды – чушь и басни, – объяснила я. – Понимаете, я поздний ребенок, все думали, что опять родится мальчик.

– А родилась ты, – ухмыльнулась великанша. – Вот это по мне!

Пока мы говорили, она потягивала неразбавленный бренди без льда, наливая его в стеклянный стаканчик из-под сливочного сыра «Крафт». Нам с Пэппи тоже плеснули немножко, но одного глотка любимого лакомства Уилли мне хватило с лихвой: мерзкое пойло, вонючее и едкое. Я заметила, что Пэппи, похоже, нравится бренди, хотя она не глотала его залпом, как миссис Дельвеккио-Шварц.

Я прикидывала, не сократить ли в дневнике ее длиннющее имя до м-с Д-Ш, чтобы не перетрутить руку, но так и не отважилась. Дневник мой, что хочу, то и ворочу, но м-с Д-Ш – уже не то.

⁵ Эндокринное заболевание, обусловленное избыточной продукцией гормона роста.

И вдруг я заметила, что на балконе мы не одни: все это время рядом с нами был еще один человек. По коже пробежали мурашки, потом приятный озноб, как бывает, когда после бесконечной жары налетит первый порыв южного холодного ветра. Откуда-то из-за бедра миссис Дельвеккио-Шварц выглянуло личико и приподнялось над столом. Очаровательное детское личико с заостренным подбородком, высокими скулами, безупречной бежевой кожей, пушистыми светло-русыми волосами, черными бровками и такими длинными ресницами, что они казались спутанными, – хотелось бы мне быть поэтом, чтобы описать это божественное дитя! Пока я любовалась ею, у меня защемило в груди. Глаза малышки были огромными, широко расставленными и янтарно-карими, таких печальных глаз я еще никогда не видела. Похожие на розовый бутон губы раздвинулись, девочка улыбнулась мне. Я невольно улыбнулась в ответ.

– А, гостя пожаловала! – Малышка мгновенно очутилась на гигантском колене миссис Дельвеккио-Шварц. Она по-прежнему улыбалась мне, а ручонкой теребила платье великанши. – Это дочка моя, Фло, – объяснила хозяйка. – Четыре года назад думала, что уже отмучилась по-женски, а потом живот как скрутило, побежала по нужде. И вдруг – хлоп! Смотрю, на полу Фло барахтается, вся слизью перемазана. А я и не знала, что в тягостях, пока она не выскочила. Хорошо еще, я до уборной не успела добежать, а то утопила бы ее, да, ангеленок?

С последними словами она обратилась к Фло, которая настойчиво трудилась над пуговицей.

– Сколько ей? – спросила я.

– Вот только что четыре исполнилось. Козерожка, да не совсем, – ответила миссис Дельвеккио-Шварц, привычно расстегивая платье. Наружу показалась грудь, похожая на старый чулок с горсткой бобов в носке. Огромный, возбужденно торчащий сосок исчез в ротике Фло. Девочка блаженно зажмурилась, прижалась к матери и принялась сосать, отчетливо хлюпая молоком. Я сидела и ловила мух разинутым ртом, не зная, что сказать. В меня впился острый, как рентгеновский луч, взгляд. – Любит она мамино молочко, моя Фло, – словоохотливо продолжала хозяйка. – Да, ей уже четыре, ну и что с того, принцесса? Мамино молочко не повредит. Только вот зубов уже полный рот, кусается, чертовка!

А я так и сидела, как дура, пока Пэппи вдруг не произнесла:

– Ну, что скажете, миссис Дельвеккио-Шварц?

– По-моему, Дому пригодится мисс Харриет Перселл, – кивнула миссис Дельвеккио-Шварц и подмигнула. Потом спросила меня: – Еще не думала отселиться от своих, принцесса? Не хочешь снять уютную квартирку и жить сама по себе?

От неожиданности я захлопнула рот и покачала головой.

– Это мне не по карману, – ответила я. – Понимаете, я коплю деньги, чтобы потом взять отпуск за два года и съездить в Англию.

– А родителям ты деньги даешь?

Я ответила, что отдаю им пять фунтов в неделю.

– А у меня найдется квартирка окнами в сад: две большие комнаты, четыре фунта в неделю вместе с электричеством. И ванная там есть, и уборная – ваша с Пэппи, больше ничья. Раньше там жила Дженис Харви, а теперь она съезжает. И кровать двуспальная, – с хитрым смешком добавила хозяйка. – Не то что эти коечки, на которые и одной-то задницу не пристроить.

Четыре фунта! Две комнаты всего за четыре фунта?! Чудо в центре Сиднея!

– Здесь отделаться от Дэвида тебе будет легче, чем дома, – привела убедительный довод Пэппи и пожала плечами. – Найдешь кого-нибудь еще, а пока копи на свою поездку.

Помню, я только глотнула, отчаянно подыскивая причину для отказа, но вдруг услышала, как говорю «да»! Не знаю, откуда оно выскочило, – мысленно я твердила решительное «нет».

– Дело говоришь, принцесса! Красотища! – грохнула миссис Дельвеккио-Шварц, отбегая у Фло грудь и тяжело поднимаясь.

Переглянувшись с Фло, я поняла, почему согласилась: это Фло вложила мне в голову единственное слово. Фло хотела, чтобы я осталась, а я поддалась ей. Малышка подбежала ко мне, обняла меня за ноги и улыбнулась белыми от молока губами.

– Вы только посмотрите! – воскликнула миссис Дельвеккио-Шварц, усмехаясь Пэппи. – Гордись, Харриет: Фло всех дичится, верно, ангеленок?

И вот я пишу все это, пока еще свежи впечатления, и гадаю, как бы мне теперь сообщить родным, что я скоро переселюсь в две большие комнаты в Кингс-Кроссе – в самый рассадник алкоголизма, проституции, гомосексуализма, сатанизма, токсикомании, наркомании и бог весть чего еще. У меня два оправдания: все, что я увидела сквозь дождь и мглу, мне понравилось, вдобавок Фло хочет, чтобы я жила в Доме.

Я сказала Пэппи, что мне, наверное, придется соврать родителям, сказать, что Дом не в Кингс-Кроссе, а в Поттс-Пойнте, но она только засмеялась.

– Харриет, Поттс-Пойнт ничем не лучше, – заверила она. – Его целиком и полностью оккупировал Королевский флот Австралии.

Сегодняшнее желание: чтобы родителей не хватил удар.

Воскресенье

10 января 1960 года

До сих пор ничего не сказала родителям. Пока набираюсь смелости. Когда ложилась вчера – бабуля уже храпела вовсю, – втайне надеялась, что к утру передумаю. Ничего не вышло. Первое, что я увидела, едва продрав глаза, была бабуля, раскорячившаяся над горшком, и на меня разом накатила тоска. Метко сказано, в самую точку! Пока я не начала вести дневник, я и не задумывалась о том, что нахваталась разных слов и выражений из прочитанных книг. В разговоре их не ввернешь, а на бумагу будто сами ложатся. Дневник в толстой школьной тетради я начала вести всего несколько дней назад, а уже пристрастилась. Наверное, все дело в том, что я не умею просто сидеть и думать, мне надо чем-нибудь занять себя, вот я и убиваю двух зайцев одним выстрелом: и записываю, что со мной происходит, и не даю себе скучать. Ведение дневника здорово дисциплинирует, будто зрение проясняется. Точно как моя работа. Я отдаю ей всю себя, потому что люблю ее.

Насчет миссис Дельвеккио-Шварц я пока ничего не решила, хотя она мне по душе. Бывают такие пациенты – вроде и общаешься с ними совсем недолго, пока делаешь снимок, а запоминаешь на всю жизнь. Как того старика из больницы Лидкомб, который вечно собирал одеяло в аккуратные складки. Когда я спросила, что это он делает, он объяснил, что сворачивает парус, а потом разговорился и признался, что был боцманом на виндjamмере – быстроходном клиппере из тех, что ходили в Австралию, по самые планширы нагруженные пшеницей. Это он так сказал, а я только повторяю. Я много от него узнала и вдруг поняла, что совсем скоро он умрет, а вместе с ним исчезнут все эти знания и опыт, ведь он никогда ничего не записывал. Конечно, Кингс-Кросс не виндjamмер, а я не матрос, но если я буду записывать все, что со мной происходит, кто-нибудь в отдаленном будущем прочтет мои строки и поймет, как я жила. Просто мне почему-то кажется, что жизнь на новом месте будет не похожа на унылую скуку будней в пригороде, от которой я изнываю с прошлого Нового года. Чувствую себя змеей, сбрасывающей старую кожу.

Сегодняшнее желание: чтобы родителей не хватил удар.

Пятница

15 января 1960 года

До сих пор ничего им не сказала, но завтра вечером обязательно скажу. Я спросила маму, можно ли Дэвиду поужинать вместе с нами бифштексом с картошкой, и она согласилась; думаю, лучше будет собрать всех вместе и огорошить скопом. Может, хоть на этот раз Дэвид наконец поймет, что он уже осточертел мне наставлениями и увещаниями. От его нотаций чесаться хочется! Но похоже, Пэппи права: отделаться от Дэвида будет легче, если я отселюсь от родителей. Этой мысли хватает мне, чтобы твердо держать курс на Кросс, как называют его местные. Точнее, в глубь Кросса.

Сегодня на работе я встретила одного человека. Это случилось на пандусе в Чичестер-Хаусе – частном больничном корпусе из красного кирпича, где купаются в роскоши привилегированные пациенты. Каждому полагается своя комната и ванная, вот так-то, – вместо койки, которые впритык друг к другу ставят по обе стороны от прохода в палатах на двадцать мест. Хорошо, наверное, лежать в одиночестве и не слушать, как блюют, отплевываются, заходятся кашлем и бредят соседи по палате. С другой стороны, наслушавшись всей этой музыки, не захочешь, а выздоровеешь – или поскорее отдашь концы, лишь бы тебя оставили в покое.

Так вот, про нового знакомого. Сестра Агата поймала меня, когда я заканчивала развешивать пленки в сушильной – а я пока еще не запорола ни единой пленки, поэтому два младших лаборанта смотрят на меня как на божество.

– Мисс Перселл, будьте добры, отнесите это на третий этаж Чичестер-Хауса, для мистера Нейсби-Мортонна, – попросила она, протягивая конверт со снимками.

Я почувствовала, что она чем-то недовольна, послушно взяла конверт и унеслась. В первую очередь сестра Агата должна была дать поручение Пэппи, а если конверт достался мне, значит, Пэппи куда-то запропала. Или просто возится с тазами для рвоты и суднами. Но мое дело не рассуждать, а действовать, вот я и понеслась к частной больнице, словно самая младшая из всех младших стажеров. Этот Чичестер-Хаус такой шикарный! В сияющем линолеуме полов отражаются розовые штанишки местной старшей сестры, а букетов в коридорах на дорогих подставках столько, что впору открывать цветочный магазин. Пока я взлетала на третий этаж Чичестера, мне повстречалось не меньше шести человек, и все они строго качали головами и прикладывали пальцы к губам. Тсс! Полная тишина! И я пристыженно опускала голову, прижимала к себе конверт со снимками и шла дальше на цыпочках, как Марго Фонтейн⁶.

На полпути вверх по пандусу навстречу мне попалась целая толпа – сам врач со свитой подчиненных. Уже в первый день работы в любой больнице всякий поймет, что дипломированный штатный врач здесь царь и бог, но бог Королевской больницы гораздо могущественнее божка из Райда. Местные штатные врачи носят темно-синие в полоску или серые фланелевые костюмы, галстуки частных школ, рубашки с французскими манжетами на скромных, но солидных золотых запонках, коричневые замшевые или черные шевровые ботинки на тонкой подошве.

Экземпляр, который попался мне, был в серой фланели и коричневой замше. При нем – два ординатора (длинные белые халаты), старшие и младшие стажеры (белые костюмы и белая обувь), шесть студентов-медиков (короткие белые халаты), все со стетоскопами наперевес, футлярами для предметных стекол и стойками для пробирок в руках с обрезанными

⁶ Марго Ф о н т е й н (1919–1991 гг.) – английская прима-балерина.

под корень ногтями. Да, ни дать ни взять божество, вокруг которого вытанцовывает целая толпа жрецов. Это и привлекло мое внимание. Тем, кто делает снимки грудной клетки, нечасто приходится сталкиваться с богами, хоть старшими, хоть младшими, и у меня разыгралось любопытство. Врач о чем-то оживленно беседовал с ординатором, высоко держа благородную голову, и мне пришлось сбавить ход и придержать челюсть, которая в последние дни стала что-то слишком часто отвисать. Какой великолепный мужчина! Почти великанского роста, с широченными плечами, плоским животом. Темно-каштановые волосы слегка вьются, на висках пробивается седина, на лице кое-где видны симпатичные веснушки, черты лица скульптурные – да, настоящий красавец. Речь шла об остеомалации, и я классифицировала этого врача как ортопеда. Я прижалась к стенке, чтобы пропустить его свиту, которая заняла весь пандус, и почувствовала на себе испытующий взгляд зеленоватых глаз. Уф. Во второй раз за неделю у меня сжалось сердце, хоть и не от прилива любви и нежности, как при встрече с Фло. От непреодолимого влечения у меня прервалось дыхание. И колени подкосились.

За обедом я рассказала об этой встрече Пэппи и предположила, что видела кого-то из ортопедов.

– Дункана Форсайта, – сразу же определила она. – Он старший врач ортопедического отделения. А что?

– Понимаешь, он посмотрел на меня, как актеры в старых фильмах, – призналась я.

Пэппи вытаращила глаза.

– Да ты что! Странно, не ожидала от него. Он не из ловеласов, давно женат и пользуется славой самого учтивого старшего врача во всей больнице: истинный джентльмен, никогда не швыряет инструментами в операционных сестер, не отпускает сальные шуточки и ни разу не накричал на младшего стажера, даже если у него руки-крюки и деликатности ни на грош.

Я перевела разговор, но почему-то не поверила Пэппи. Доктор Форсайт не раздевал меня глазами и так далее, но смотрел, и его взгляд был поистине мужским, оценивающим. Таких красавцев я в жизни не встречала. Подумать только, старший штатный врач! Слишком уж он молод для такого ответственного поста, ему, должно быть, нет и сорока.

Сегодняшнее желание: увидеть бы еще разочек мистера Дункана Форсайта!

Суббота

16 января 1960 года

В общем, сегодня за ужином в присутствии Дэвида я наконец отважилась. Бифштексы с картошкой – любимая еда всей семьи, только маме приходится тяжело: надо присматривать и за бифштексами на косточках, которые жарятся на огромной сковороде, и за ломтиками картошки во фритюре. Гэвин и Питер уплели по три порции каждый, и даже Дэвид попросил добавки. На сладкое дали пудинг «пятнистая колбаска» с заварным кремом, который тоже все мы любим, так что за столом царил благодушное настроение, когда мама с бабушкой наконец закончили разливать чай. Наступил мой час.

– Знаете, какая у меня новость? – спросила я.

Никто не удосужился отозваться.

– Я сняла квартиру в Кингс-Кроссе и теперь переселяюсь туда.

Все по-прежнему молчали, только в комнате воцарилась полная тишина. Не звякали ложечки, не хлюпала чаем бабуля, не кашлял стосковавшийся по куреву папа. Потом папа вытащил пачку «Ардата», предложил ее Гэвину и Питеру, и все они прикурили – причем втроем от одной спички! Ничего хорошего это не предвещало.

– В Кингс-Кроссе, – наконец повторил папа, уставившись на меня в упор. – Детка, ты дура. Ладно, могло быть и хуже. В Кингс-Кроссе живут только дураки, цыгане, всякая богема и потаскухи.

– Никакая я не дура, папа, – отважно возразила я. – И уж тем более не потаскуха и не цыганка. А богему в наше время называют битниками. Я подыскала себе самую приличную квартирку в самом приличном доме, который по чистой случайности находится в Кроссе, причем в лучшей его части, возле Чаллис-авеню. Почти в Поттс-Пойнте.

– Весь Поттс-Пойнт кишит моряками Королевского флота, – возразил папа.

На маму было больно смотреть – казалось, она вот-вот расплачется.

– Но зачем тебе это, Харриет?

– Мне уже двадцать один год, я хочу жить самостоятельно. Теперь у меня есть работа, я неплохо зарабатываю, а квартиры в Кингс-Кроссе сдаются так дешево, что за год я сумею даже накопить на поездку в Англию. Если бы я нашла жилье в другом месте, мне пришлось бы снимать его еще с двумя или с тремя девушками, а это не лучше, чем жить дома.

Дэвид не проронил ни звука, только сидел справа от папы и глазел на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

– Твоя очередь, умник, – хмыкнул Гэвин, обращаясь к нему. – Может, скажешь чего-нибудь?

– Я не одобряю это решение, – ледяным голосом процедил Дэвид, – но предпочел бы поговорить с Харриет наедине.

– Вот и славно. – Питер обхватил пальцами мое запястье, изображая наручник. – Самостоятельность тебе не повредит, Хэрри.

Кажется, эти слова подействовали на папу, и он вздохнул.

– Не силой же тебя удерживать. Хорошо еще, ты не в добрую старую Англию собралась. А в случае чего из Кингс-Кросса я тебя живо увезу.

Гэвин взорвался гогомом, повалился на стол и влез галстуком в масло, а потом поцеловал меня в щеку.

– Молодчина, Хэрри! – выпалил он. – Первая подача разыграна, а ты не дрогнула. Держи биты наготове, сейчас начнется!

– И когда ты все успела решить? – часто моргая, спросила мама.

- Когда миссис Дельвеккио-Шварц предложила мне жилье.
В нашем доме эта фамилия прозвучала неуместно. Папа нахмурился.
- Какая миссис? – переспросила злорадно озирающаяся бабуля.
- Дельвеккио-Шварц. Дом принадлежит ей. – Я вспомнила, что еще не все объяснила. – Там живет Пэппи. Она и познакомила меня с миссис Дельвеккио-Шварц.
- Так я и знала, что эта китайка тебя испортит, – сказала мама. – С тех пор как ты с ней познакомилась, тебе стало не до Мерл.
- Я вскинула подбородок.
- Это Мерл теперь не до меня, мама. У нее новый парень, она забыла обо всем на свете. Про нашу дружбу она вспоминает, только когда ее бросят в очередной раз.
- А квартира и вправду приличная? – осведомился папа.
- Две комнаты. И общая ванная у нас с Пэппи.
- Пользоваться общей ванной негигиенично, – влез Дэвид.
- Я усмехнулась:
- А разве здесь у меня собственная ванная?
- Он заткнулся.
- Мама решила смириться.
- Ладно, – сказала она. – Наверное, тебе понадобятся посуда, столовые приборы, кастрюльки-сковородки. И белье. Постельное можешь забрать отсюда.
- Об этом я не подумала, но ответила сразу:
- Нет, мам, спасибо. Там же двуспальная кровать. Здорово, правда?
- Все умолкли и разинули рты, будто представили гигантскую двуспальную кровать с приделанной сбоку кондукторской сумкой, в которую надо класть плату за пользование.
- Двуспальная? – побледнел Дэвид.
- Вот именно.
- Харриет, незамужние девушки спят на узких кроватях.
- Очень может быть, Дэвид, – пожалала плечами я, – а я не замужем и буду спать на широкой!
- Мама торопливо встала.
- Ребята, посуда сама не вымоется! – укоризненно напомнила она. – Бабуля, «Сансет-Стрип, 77» начинается.
- «Детка, детка, одолжи мне гребень!» – вскакивая, замурлыкала бабуля. – Ну наконец-то! Харриет переезжает, и вся комната будет моей! Не откажусь от двуспальной кровати, хи-хи!
- Папа и братья убрали со стола с рекордной скоростью, вдвое быстрее обычного, и оставили меня с Дэвидом.
- Ну и чего тебе не хватало? – сухо спросил он.
- Личной жизни.
- У тебя есть кое-что получше, Харриет. Дом и семья.
- Я ударила кулаком по столу.
- Дэвид, как можно не видеть дальше собственного носа? Я живу в одной комнате с бабулей и ее горшком, мне негде даже разложить вещи – приходится сразу же убирать их! У меня в этом доме нет своего угла, всюду толкуются мои близкие. Но теперь я буду роскошествовать в собственной квартире.
- В Кингс-Кроссе.
- Да, черт возьми, в Кингс-Кроссе! Где есть доступное жилье.
- В доходном доме, который принадлежит иностранке. Новой эмигрантке.
- Не выдержав, я расхохоталась ему в лицо.

– Это миссис Дельвеккио-Шварц-то иностранка? Она самая настоящая австралийка, и здешний акцент у нее такой густой – хоть ножом режь!

– Еще хуже, – не сдавался он. – Австралийка с наполовину итальянской и наполовину еврейской фамилией? В прошлом у нее по меньшей мере мезальянс.

– Сноб, вот ты кто! – заявила я. – Откуда в тебе столько нетерпимости? Чем кичиться нам, австралийцам? Мы же поголовно потомки каторжников! По крайней мере новые эмигранты приехали сюда по своей воле!

– Да, с эсэсовскими номерами под мышкой, с туберкулезом и чесночной вонью! – рявкнул он. – Хороши свободные переселенцы, нечего сказать, если им продавали льготные билеты со скидкой в десять фунтов!

Я не выдержала. Вскочив, я наградила его двумя звучными оплеухами. Бац, бац!

– Отцепись, Дэвид, понял? Катись к чертям! – кричала я.

И он покатился. На лице Дэвида отчетливо читалось, что у меня просто очередной «больной день» и что это не помешает ему попозже предпринять еще одну попытку.

Вот так все и закончилось. Хорошие у меня родичи, свои в доску. А Дэвид – католик, измученный запорами, правильно Пэппи говорила. Какое счастье, что я хожу в англиканскую церковь.

Среда

20 января 1960 года

Несколько дней у меня не было ни минутки свободной, до дневника никак не доходили руки, но, пожалуй, скоро отдышусь. Папу и братьев удалось отговорить от осмотра моих новых апартаментов (я сама побывала там в прошлое воскресенье и поняла, что гостей звать еще рано). С тех пор я тружусь как каторжная, готовлюсь перебраться на новое место в следующую субботу. Не знаю, что бы я делала, если бы не мама. Благодаря ей у меня теперь есть посуда, приборы, белье, разные кастрюли, а папа сунул мне сотню фунтов и с мрачным видом объяснил, что тратить отложенные на поездку в Англию деньги незачем – ведь мне полагается приданое. Гэвин подарил мне набор инструментов и мультиметр, а Питер – свой «старый» проигрыватель, объяснив, что давно собирался купить себе другой, получше. От бабули мне перепали флакон одеколона «4711» и стопка салфеточек, вышитых специально в приданое.

В моем новом жилище спальню от гостиной отделяет арка, а не дверь, поэтому я решила растрясти сотню, полученную от папы, купить стеклянные бусы и своими руками сделать из них занавеску. Готовые занавески из пластмассовых бус выглядят отвратительно, а звучат еще хуже. А я хочу, чтобы они звенели. Розовые бусы. Свои комнаты я отделаю в розовых тонах, потому что этот цвет в Бронте под запретом. А я люблю его. Он теплый, женственный и поднимает мне настроение. И потом, на розовом фоне я выгляжу гораздо лучше, чем на желтом, голубом, зеленом или малиновом. Для них я слишком смуглая.

Мои комнаты тянутся вдоль открытого коридора и комнаты Пэппи, коридор ведет в прачечную и на задний двор. Комнаты просторные, с высоченными потолками, но почти без обстановки. В кухне есть раковина, древняя газовая плита и холодильник, придать ей сносный вид невозможно, но я уже позвонила сторожу из Райда Джинджу и спросила, не подыщет ли он мне старую больничную ширму. Легко, ответил он и занял – мол, без меня в больнице скука смертная. Чепуха! Это без единственного рентгенолога? Не настолько мала Мемориальная больница Райд. Джиндж вечно делает из мухи слона.

Вчера в лабораторию нанесла визит старшая сестра-хозяйка больницы. Небожительница! Если штатный врач – бог, то сестра-хозяйка по меньшей мере Дева Мария, а поскольку девственность для такой должности необходимое условие, сравнение – точнее не придумаешь. Ни одному мужчине не хватит духу приблизиться к сестре-хозяйке, такое под силу разве что влетевшему в окно голубю. Все сестры похожи на боевые корабли, плывущие на всех парусах, но наша сестра-хозяйка – шедевр корабельного искусства. Ей всего тридцать пять, она рослая, стройная, с золотисто-рыжими волосами, глазами цвета аквамарина и красивым лицом. Конечно, волос под древнеегипетским головным убором почти не видно, но цвет у них натуральный, за это можно поручиться. А под холодным взглядом покроется льдом даже тропическая лагуна. Глетчер. Арктические льды. У-ух!

Вообще-то мне ее немного жаль. Пусть она царица цариц, но ведь она еще и женщина. Если кому-нибудь в больнице вздумается покрасить стену или повесить плакат для развлечения пациентов, сестра-хозяйка решает, в какой цвет будет покрашена стена, и выбирает плакат. На ней белые нитяные перчатки, и если в нашей лаборатории она ими не пользуется (строго говоря, сестра-хозяйка в нашей лаборатории – гостья сестры Агаты), повсюду, где работают или отдыхают медсестры, она проводит пальцем по выступам панелей, подоконникам, где угодно, и горе палатной сестре, во владениях которой белый перчаточный палец станет серым от пыли! Сестре-хозяйке подчиняются и медицинские сестры, и санитарки, она держится на равных с главврачом, входит в правление больницы, председатель

которого, как выяснилось, сэр Уильям Эджертон-Смайт, по совместительству дядя обольстительного мистера Дункана Форсайта. Теперь ясно, как он занял пост старшего врача ортопедического отделения, несмотря на молодость. Небось дядюшка подсобил. А жаль. Мне казалось, такой человек, как мистер Форсайт, не будет пользоваться протекцией родных и знакомых, чтобы подняться по служебной лестнице. Почему у колоссов вечно обнаруживаются глиняные ноги?

Словом, меня представили сестре-хозяйке, а та пожала мне руку, строго отмеряя миллисекунды этого жеста в соответствии с правилами вежливости и моим положением. Сестра Агата смотрела сквозь меня, а сестра-хозяйка – прямо в глаза, совсем как миссис Дельвеккио-Шварц. Видимо, она явилась к нам, чтобы обсудить покупку новой вращающейся рентгеновской установки, но сочла своим долгом осмотреть всю лабораторию.

Сегодняшнее желание: выкинуть из головы Подхалима Форсайта.

Суббота

23 января 1960 года

Я здесь, я на месте! Сегодня утром наняла фургон и перевезла в дом 17с по Виктор-стрит свою персону вместе с картонными коробками, полными добычи. Водитель оказался замечательным парнем – зря языком не молол, просто помог мне внести вещи в дом, с благодарностью принял чаевые и укатил к следующему клиенту. Одна коробка была забита банками с розовой краской – вот и нашлось применение твоей сотне, папа! – в другую поместилось миллионов десять розовых бусин. Не мешкая, я приступила к делу: взяла кусок антибактериального мыла (только поработав в больнице, понимаешь, в чем его прелесть), кучу тряпок, щетку и металлическую мочалку и принялась за уборку. Миссис Дельвеккио-Шварц говорила, что убрала в комнатах перед моим приездом, она и вправду отлично потрудилась, но я заметила повсюду тараканий помет. Пришлось опять звонить в Райд Джинджу и просить у него отраву для тараканов. Ненавижу этих тварей, они живут в канализации, сточных канавах и в грязи, разносят всякую заразу.

Я терла и скоблила, пока природа не заявила о себе и не погнала меня на поиски туалета – помнится, он был где-то рядом с прачечной. Прачечная оказалась кошмарной. Неудивительно, что миссис Дельвеккио-Шварц забыла показать ее мне. Счетчик на газовом котле глотал монеты одну за другой, две большие бетонные ванны подтекали, старые валики для белья были привинчены к полу. Дверь из прачечной вела в ванную. На древней ванне отсутствовала половина эмали, а когда я оперлась на бортик рукой, ванна со стуком накренилась – одна из ножек в виде когтистых лап, на которых она стояла, была сломана. Ножку вполне мог заменить деревянный брусок, а вот ванну предстояло красить в несколько приемов велосипедной эмалью. Горячую воду давал настенный газовый водонагреватель – с еще одним счетчиком и отверстием для монеток. Деревянную решетку я сразу замочила в тазу с мыльной пеной. Унитаз стоял в отдельной комнатушке и был произведением искусства: английский, фарфоровый, прошлого века, с чашей, расписанной изнутри и снаружи кобальтовыми синими птичками и лозами. Бачок, закрепленный под потолком, соединяла с чашей труба, тоже с птичками. На старое деревянное сиденье я присаживалась с опаской, несмотря на стерильность: слишком высоким оно было. Цепь заканчивалась фарфоровой ручкой, и когда я дернула за нее, в чашу обрушился Ниагарский водопад.

Я убиралась весь день и не увидела за это время ни души. Правда, я никого и не ждала, но я думала, в доме будет постоянно слышен голосок Фло: малыши вечно смеются и визжат, если не капризничают. А оказалось, здесь тихо, как в могиле. Где Пэппи, я понятия не имела. Мама побаловала меня, положив с собой запасы провизии, поэтому мне было чем подкрепиться после нелегких трудов. Но я совсем не привыкла к полному одиночеству. Очень странное ощущение. В гостиной и спальне было всего по одной розетке, но я с электричеством на «ты», поэтому достала подаренный Гэвином набор инструментов и мультиметр и установила на стенах еще несколько розеток. Затем я отправилась на переднюю веранду искать распределительный щит. Один из предохранителей был рассчитан на три ампера. Я выкрутила его, поставила другой, на пятнадцать ампер, и уже закрывала щит, когда в калитку вошел стриженный ежиком парень в мятом костюме со сбившимся галстуком.

– Привет, – произнесла я, думая, что передо мной еще один жилец.

– Вы здесь новенькая? – спросил он.

Я кивнула, ожидая продолжения.

– Где живете? – спросил он.

– С той стороны дома, возле прачечной.

– Не на первом этаже, в комнатах по фасаду?

Я нахмурилась, а на моем смуглом лице такие гримасы выглядят свирепыми.

– А вам какое дело? – спросила я.

– Работа такая. – Он сунул руку во внутренний карман, вытащил потрепанный кожаный бумажник и открыл его. – Полиция нравов. Как вас зовут, мисс?

– Харриет. А вас?

– Норм. Чем зарабатываете на жизнь?

Я прикрыла дверцу щита и взяла Норма под локоть, подражая непринужденным манерам Джейн Расселл. Мне казалось, что получается похоже.

– Чашечку чаю? – спросила я.

– Можно, – охотно согласился Норм и вошел в дом вместе со мной.

– Для проститутки вы слишком заботитесь о чистоте, – заявил он, оглядев мою гостиную, пока я ставила чайник. Опять монетки! Хоть мешками скупай фальшивые, столько счетчиков приходится кормить.

– Я не занимаюсь проституцией, Норм. Я работаю старшим рентгенологом в Королевской больнице, – ответила я, ожидая, пока закипит чайник.

– А-а, так это Пэппи привела вас сюда.

– Вы знакомы с Пэппи?

– Кто же ее не знает? Но она здесь как белая ворона.

Я подала ему чашку, налила чай в свою и отыскала печенье, которое мама дала мне с собой. Минуту мы пили чай молча, а потом я начала расспрашивать гостя о полиции нравов. На такую удачу я даже не рассчитывала! Норм оказался не только кладезем сведений: Пэппи назвала бы его прагматиком до мозга костей. Норм объяснил, что искоренить проституцию как социальное явление невозможно, что бы там ни талдычили все эти ханжи – архиепископы, кардиналы и методистские священники. Значит, остается одно: придать ей хоть какую-то организованность. У каждой уличной девчонки своя территория, скандалы начинаются, когда появляется новая конкурентка. Вот тогда от порядка не остается и воспоминаний.

– В ход идут зубы и ногти, – хрустя печеньем, рассказывал Норм. – А потом вмешиваются сутенеры с ножами и бритвами.

– Значит, проститутки вы не сажаете в тюрьму? – спросила я.

– Только когда ханжи поднимают вой – к примеру, если развивается Лига матерей или вмешаются надоедалы из Легиона благопристойных. Господи, как я их ненавижу! А с вашим первым этажом хлопот не оберешься, потому что дом 17с простаивает без дела. Миссис Дельвеккио-Шварц пыталась сдавать первый этаж, но к ней вечно селились проститутки, и тогда возмущались жильцы домов 17b и 17d.

Так я узнала, что первые этажи домов в Кроссе – идеальное жилье для женщин, занимающихся проституцией. Еще бы, ведь можно провести клиента через застекленные двери на веранду, а затем выпустить его тем же путем через пятнадцать минут. Кому бы миссис Дельвеккио-Шварц ни пыталась сдавать наш первый этаж, ее квартирантки всякий раз оказывались проститутками. Путем наводящих вопросов я выяснила, что два дома по обе стороны от нашего – бордели. Интересно, что сказал бы папа, если бы узнал? Но я буду нема как рыба.

– А рейды в соседних борделях вы проводите? – спросила я.

Лицо Норма – между прочим, он симпатяга – перекошилось от ужаса.

– Только не это! По соседству с вами два самых шикарных сиднейских борделя, там бывают видные клиенты: муниципальные чиновники, политики, судьи, промышленники... Стоит нам сунуться туда, и нас подвесят за яйца.

– Ну и ну! – отозвалась я.

Мы допили чай, и я выпроводила Норма, но он успел пригласить меня в следующую субботу выпить пива в «Пиккадилли». Я согласилась. Норм даже не заподозрил, что на моем горизонте маячит Дэвид Меркисон – спасибо вам, миссис Дельвеккио-Шварц! Не прошло и двенадцати часов, как меня позвали на свидание. Вряд ли я закручу роман с Нормом, но выпить с ним пива не прочь. Может, даже поцеловаться.

Сегодняшнее желание: чтобы в моей жизни было побольше интересных мужчин.

Воскресенье

24 января 1960 года

Сегодня я познакомилась с другими жильцами Дома. Первых двух я увидела после того, как приняла ванну (душа здесь нет) и решила навестить на задний двор. Я сразу обратила внимание, что влево от Виктория-стрит не отходит ни одного переулка, так что наш тупик – действительно глухой тупик, который заканчивается домами под семнадцатым номером. Задний коридор Дома ведет на задний двор, где на веревках сушатся простыни, полотенца, мужская и женская одежда. Нарядные панталончики, отделанные кружевом, боксеры, мужские рубашки, лифчики, блузки... Поднырнув под одеждой, которая уже высохла, я поняла, почему мы живем в тупике: Виктория-стрит заканчивается на вершине скалы из песчаника высотой метров сорок! Внизу виднеются шиферные крыши района Вулумулу, выстроившиеся рядами дома с террасами. Улицы сбегают к парку «Домейн», который в это время года радует глаз свежей зеленой травой. Хорошо, что он отделяет район Вулумулу от центра: я поняла это только теперь, стоя во дворе у задней изгороди. А эти новые здания в центре! Сколько же в них этажей! А башня все равно видна. Справа от Вулумулу – гавань сплошь в белых пятнышках, потому что сегодня воскресенье и все ринулись поплавать под парусом. Вот это красота! Меня вдруг кольнула зависть к жителям верхних этажей, из окон которых открывается такой вид. И все это богатство – за несколько фунтов в неделю.

Возвращаясь к моим кистям и краскам, я раздвинула простыни и столкнулась с парнем, который нес пустую корзину.

– А ты, должно быть, та самая Харриет Перселл, – сказал он, протягивая мне длинную и узкую элегантную ладонь.

Засмотревшись, я не сразу подала ему руку.

– Я Джим Картрайт, – сказал «незнакомец».

Вот это да! Лесбиянка! Присмотревшись, я поняла, что Джим не мужчина и не гомик, а женщина в мужской одежде, даже с застёжкой на брюках спереди, а не сбоку, в кремовой мужской рубашке с засученными рукавами. Модная мужская стрижка, ни тени косметики, крупный нос, прекрасные серые глаза.

Я пожалала Джим руку и что-то растерянно пробормотала, а она беззвучно рассмеялась, вытаскала из кармана рубашки кисет и папиросную бумагу и одной рукой скрутила папироску ловко, как Гэри Купер.

– Мы с Боб живем на третьем этаже, над миссис Дельвеккио-Шварц, там здорово! Наши окна выходят и во двор, и на улицу.

Джим подробно рассказала мне о Доме и его жильцах. Я узнала, что миссис Дельвеккио-Шварц занимает весь второй этаж – кроме одной комнаты в торце, над моей гостиной. Эту комнату снимает пожилой учитель Гарольд Уорнер. Джим аж кривилась, когда говорила о нем. Прямо над Гарольдом живет новый эмигрант из Баварии Клаус Мюллер, он зарабатывает себе на хлеб ремеслом гравера, а ради развлечения готовит еду и играет на скрипке. Каждые выходные он уезжает к друзьям в Боурел, где устраивает вместе с ними грандиозные барбекю, жаря на вертелах целиком бараньи, свиные и телячьи туши. Почти весь третий этаж принадлежит Джим и Боб, а в мансарде обосновался Тоби Эванс.

Это имя вызвало у Джим улыбку.

– Тоби – художник, ты ему понравишься!

Выкинув папиросу в мусорный бак, Джим начала снимать с веревки белье, а я помогала сворачивать простыни и аккуратной стопкой укладывать их в корзину. Потом появилась суетливая и нахмуренная Боб с крошечными ступнями в синих шевровых ботиночках,

которые шуршали, как мышинные лапки. Боб оказалась похожей на эльфа или куклу девушкой гораздо моложе Джим. Она была одета по моде четырехлетней давности – в голубое платье с пышной широкой юбкой и шестью крахмальными нижними юбками, затянутой в рюмочку талией; грудь в тесном лифе выпирала, точно нос корабля. Мои братья называли такие фасоны «Руки прочь!».

Краснея, Боб объяснила, что опоздала на поезд, а такси не смогла поймать. Джим наклонилась, чтобы поцеловать ее, – но что это был за поцелуй! С открытыми ртами, в которых мелькали языки, и сдавленными стонами удовольствия. Поцелуй подействовал, Боб наконец успокоилась. Придерживая бельевую корзину у бедра, Джим повела Боб по коридору, обе свернули за угол и скрылись из виду.

Глядя в землю, я погрузилась в деловитые размышления. Я знала, что лесбиянки существуют, но увидела их впервые – по крайней мере эта пара ничего не скрывала. Должно быть, среди старых дев, сестер в нашей больнице, полно лесбиянок, но они стараются ничем не выдать себя – это слишком опасно. Одно пятно на репутации, и с мечтами о карьере можно распрощаться. Но Джим и Боб не делают из своих отношений секрета! Значит, миссис Дельвеккио-Шварц не желает пускать в Дом девиц, которые торгуют своим телом, но готова приютить под своей крышей откровенных лесбиянок. И правильно!

– Привет, крошка! – слышался чей-то голос.

Я вздрогнула и обернулась на голос, который был женским и доносился из окна дома 17d, из-за розовато-сиреневых кружевных занавесок. Эти окна возбуждали мое любопытство, меня так и тянуло заглянуть в них, посмотреть, что там, за кружевными шторами и вазами с грязно-розовой геранью, которые придавали дому сходство с дешевой частной гостиницей. Совсем молодая голая женщина выглядывала из окна, расчесывая пышную шевелюру, выкрашенную хной. Ее полные груди зазывно покачивались, а среди гераней виднелся черный кустик.

– Привет, – отозвалась я.

– Будешь жить здесь?

– Да.

– Очень приятно! Ну пока! – И она захлопнула окно.

Первые лесбиянки и профессиональная проститутка, которых я увидела на новом месте!

По сравнению с этими встречами приводить комнаты в порядок было скучновато, но я не бросала работу, пока у меня не заняли руки, а стены и потолок не покрылись свежей краской. Конечно, жаль было пропускать привычную воскресную партию в теннис с Мерл, Джен и Дэнис, но оказалось, водить кистью – все равно что махать теннисной ракеткой, разминка ничем не хуже. Интересно, где-нибудь в Кроссе есть теннисные корты? Наверное, но вряд ли местные жители увлекаются теннисом. Здесь в чести совсем другие игры.

Уже на закате ко мне в дверь постучали. Сперва я решила, что пришла Пэппи, а потом поняла: так стучать она не стала бы. Слишком властным был этот стук. Открыв дверь, я увидела на пороге Дэвида, и мое сердце ушло в пятки. Вот наглец, я его не звала! Он вошел, не дожидаясь приглашения, и брезгливо огляделся, как кот, вдруг обнаруживший, что стоит в луже мочи. Четыре крепких деревянных стула я еще не начала отчищать, но они стояли рядом, и я подтолкнула один из них ногой к Дэvidу, а сама присела на край стола, чтобы смотреть на незваного гостя сверху вниз. Но он не клонул – так и остался стоять, глядя мне в глаза.

– Здесь кто-то курит гашиш, – объявил он. – В коридоре пахнет.

– Это Пэппи жжет курительные палочки – просто палочки, Дэвид! Добропорядочному католику следовало бы разбираться в таких ароматах.

– Я отличаю запах блуда и распушенности.

У меня невольно сжались губы.

– Ты хочешь сказать, запах логова пороков?

– Если тебе нравится это выражение – да, – сухо согласился он.

Я продолжала небрежным тоном, роняя слова, будто они ничего не значили:

– Между прочим, отныне в этом логове пороков живу я. Вчера меня навещал констебль из полиции нравов, чтобы убедиться, что я не проститутка, а сегодня я познакомилась с проституткой высокого полета – она живет здесь по соседству и голой выглядывает в окно. Кстати, в нашем доме двумя этажами выше обитают Джим и Боб, лесбиянки. Видел бы ты, как страстно они целуются! Не то что ты! От такого поцелуя прикуривать можно!

Дэвид решил сменить тактику и попытаться образумить меня. Лекцию о том, что порядочным девушкам положено до свадьбы жить с родителями, он завершил словами: «Харриет, я люблю тебя!»

Я оглушительно расхохоталась, пуская пузыри, и вдруг в голове у меня словно включили лампочку. Внезапно мне все стало ясно!

– Слушай, Дэвид, – сказала я, – оказывается, ты из тех мужчин, которые с умыслом выбирают совсем молоденьких девчонок, чтобы воспитывать их так, как им вздумается. Но тебе не повезло, дружище. Загнать в рамки меня не удалось – ты их сломал!

Наконец-то я вырвалась из тесной клетки! Дэвид и прежде изводил меня нотациями и нравоучениями, но теперь мне было на них наплевать. Он потерял власть надо мной. А как хитро он действовал – ни разу не дал мне шанса оценить его как мужчину, по-настоящему приласкать, поцеловать или, боже упаси, хотя бы увидеть его достоинство, не то что применить его по назначению! Только потому, что он привлекательный, хорошо сложенный и вообще завидная добыча, я цеплялась за него, убежденная, что игра стоит свеч. Но теперь мне все ясно: он с самого начала преследовал корыстные цели. Мне вообще не полагалось знать, что и у него есть недостатки, а добиться этого можно было только одним способом: лишить меня возможности сравнивать. Избавиться следовало не от Дэвида, а от собственного невежества. И я порвала с прошлым в тот самый момент, когда захлебывалась хохотом и пускала пузыри.

Так что пусть тешится мыслью, что у меня «просто такой период», пусть набирается терпения и ждет, когда я приду в себя, и так далее, и тому подобное.

В прачечной я нашла пачку «Дюморье» и сунула ее в карман. А когда Дэвид завел волюнку насчет моего настроения, я вытащила сигареты из кармана, сунула одну в рот и прикурила от газовой плиты.

У Дэвида глаза полезли из орбит.

– Брось сейчас же! Какая мерзкая привычка!

Я выпустила дым ему в лицо.

– Чего доброго, начнешь курить гашиш, а там и нюхать клей прирастишься...

– Узколобый ханжа, – огрызнулась я.

– Я ученый, я занят научными исследованиями и умом не обижен. Ты попала в дурную компанию, Харриет, так что не надо быть нобелевским лауреатом, чтобы предсказать, чем это кончится, – заявил он.

Я потушила сигарету о блюдце – пахло от нее отвратительно, но говорить об этом Дэвиду я не собиралась – и повела его из комнаты. У парадной двери я объявила:

– Прощай навсегда, Дэвид.

Он чуть не разрыдался, схватив меня за руку.

– Так нельзя! – срывающимся голосом выговорил он. – Мы столько лет были вместе! Давай лучше поцелуемся и все забудем.

Я не выдержала: стиснула пальцы в кулак и засветила ему прямо в левый глаз. Дэвид пошатнулся – а удар получился что надо, уроки братьев пошли впрок, – я вдруг заметила,

что к дому идет незнакомец, и поскорее спихнула Дэвида с крыльца на дорожку. Надеюсь, неизвестному гостю я показалась не просто мегерой, а разъяренной амазонкой. Не желая попадать в дурацкое положение при постороннем, Дэвид юркнул в калитку и понесся по Виктория-стрит так, словно за ним гналась собака Баскервилей.

А мы с незнакомцем остались нос к носу. Хотя я стояла на крыльце, а он на дорожке, я заметила, что его рост едва достигает метра шестидесяти пяти. Но сложения он был крепкого, пружинисто балансировал на носках, как боксер, а карие глаза с каким-то красноватым оттенком лукаво поблескивали. Красивый прямой нос, хорошо вылепленные скулы, кое-как приглаженная каштановая грива, прямые черные брови и густые ресницы – очень хорош!

– Так вы зайдете? Или решили украсить собой дорожку? – холодно осведомилась я.

– Зайду, – отозвался он, но не сдвинулся с места: слишком внимательно разглядывал меня. Искры смеха в глазах исчезли, взгляд стал отчужденным и бесстрастным. Так врач изучает пациента, но если этот человек врач, я съем Дэвидову широкополую шляпу.

– Как у вас с гибкостью? – вдруг спросил он.

Я ответила, что никак.

– Досадно. А то я мог бы выбрать для вас причудливую позу. Мяса у вас на костях немного, вид спортивный, грудь аппетитная. Настоящая, не абы что. – С этими словами он легко взбежал на крыльцо и дождался, когда я первой войду в дом.

– Вы, наверное, художник из мансарды, – догадалась я.

– В самую точку. Я Тоби Эванс. А вы – наша новая соседка с первого этажа.

– В самую точку. Харриет Перселл.

– Пойдем ко мне, выпьем кофе. Вам не помешает подкрепиться после удара, которым вы наградили того слизняка. Теперь он месяц будет ходить с подбитым глазом.

Следом за Тоби я поднялась на два пролета к площадке, куда выходили две двери: одна с огромным символом женского пола (несомненно, дверь Джим и Боб), вторая – с альпийским пейзажем (явно квартира Клауса Мюллера). В мансарду вела еще одна крепкая лестница, похожая на приставную. Тоби поднялся первым, я за ним, а когда я очутилась в мансарде, Тоб потянул веревку, поднял лестницу от пола и притянул ее к потолку.

– Ух ты! – восхитилась я. – Можно поднять мост и выдержать осаду.

Я попала в огромное помещение с двумя окнами в нишах, выходящими во двор, и еще двумя со стороны фасада, где потолок был скошен. Мансарда была сплошь выкрашена белой краской и казалась стерильной, как операционная. Нигде ни булавки, ни мазка краски, ни пылинки – нет даже следов высохших дождевых капель на оконных рамах. Подоконники хозяин мансарды превратил в диваны с белыми вельветовыми подушками. На белоснежной подставке лицом к стене были расставлены картины, перед монументальным выкрашенным белой краской мольбертом на помосте стоял белый стул, сбоку от мольберта – невысокий белый комод. Ясно, это студия. А в зоне отдыха помещались два кресла, обтянутые белым вельветом, белые полки с выстроенными как по линейке книгами, белая больничная ширма, за которой виднелись кухонный уголок, квадратный белый стол и два белых деревянных стула. Даже пол был покрыт белой краской! И нигде ни пятнышка. Лампы тоже белые, флуоресцентные. Единственный цветной штрих – серое армейское одеяло на двуспальной кровати.

Вспомнив, как Тоби отозвался о моей груди – вот нахал! – я сказала то, что думала:

– А у тебя, случайно, не мания? Ручаюсь, ты даже краску выдавливаешь из тюбика строго со дна, а пустую часть тюбика подгибаешь точно по линейке.

Он усмехнулся и склонил голову набок, словно добродушный пес.

– Садись, – предложил он и ушел за ширму варить кофе.

Все это время мы переговаривались через ширму со старательно отутюженными складками, а когда Тоби вышел с двумя белыми кружками, разговор продолжался сам собой. Тоби

рассказал, что он родом из буша, вырос среди огромных ферм на западе Квинсленда и Северной Территории. Его отец был поваром на ферме, но в первую очередь – выпивохой, так что Тоби приходилось готовить самому, чтобы его отец не лишился работы. Но он не злился на старика, которого пьянство в конце концов свело в могилу. В то время единственными красками Тоби были детские акварельные, бумага грубой, в какую мясники заворачивают мясо, а карандаши он потихоньку таскал из конторы. После смерти отца Тоби отправился в Большой Дым⁷, учиться рисовать как полагается, масляными красками.

– Сидней – жестокий город, когда в нем ни души знакомой, а ты едва вылез из стога сена, – говорил Тоби, подливая во вторую кружку бренди. – Поначалу я трудился поваром – в отелях, пансионах, в бесплатных столовках, больнице Конкорд. Жуть, иной раз за весь день английского слова не услышишь, и тараканы кишели повсюду, кроме Конкорда. Да, больницам надо отдать должное, в них хотя бы чисто. Но кормежка хуже, чем на ферме. Потом я перебрался в Кингс-Кросс. Так и жил себе в сарае на Келлет-стрит, пока не встретил Пэппи. Она привела меня сюда, познакомила с миссис Дельвеккио-Шварц, а та сказала, что я могу жить в мансарде и платить за нее три фунта в неделю, когда деньги будут. Видела статуи Девы Марии, святой Терезы и так далее? Красивые женщины. Но никого красивее старой калоши миссис Дельвеккио-Шварц я в жизни не видел. Когда я наконец поверю в свои силы, я напишу ее с Фло на коленях.

– Ты до сих пор работаешь поваром? – спросила я.

На его лице отразилось пренебрежение.

– Еще чего! Миссис Дельвеккио-Шварц посоветовала мне устроиться на завод, гайки закручивать – сказала, что и денжат подзаработаю, и не убудет от меня. Так и заявила. И я послушался, теперь кручу гайки на заводе в Александрии, когда не рисую.

– И давно ты живешь в Доме? – спросила я.

– Четыре года. В марте мне стукнет тридцать, – ответил он.

Когда я предложила помыть кофейные кружки, он перепугался не на шутку – наверное, думал, что я не справлюсь. И я в задумчивости спустилась к себе. Ну и денек! Точнее, выходные дни. Тоби Эванс оказался славным малым. Но когда он упомянул про Пэппи, я заметила, что его глаза изменились. В них отразились и печаль, и боль. Вдруг меня осенило: да он влюблен в Пэппи! Кстати, я с ней не виделась с самого переезда.

Ох, как я устала. Пора гасить свет и наслаждаться второй ночью на двуспальной кровати. Одно я знаю точно: больше я никогда не стану спать на узкой койке. Какая роскошь!

⁷ Большой Дым – Сидней.

Среда

3 февраля 1960 года

Я вся в делах: если не снимаю грудные клетки, то крашу в розовый цвет все подряд, что еще не успела выкрасить в моих новых комнатах. Кросс при дневном свете я видела столько раз, что уже почти освоилась. Здесь замечательно. Таких магазинов я еще нигде не встречала, за неделю я перепробовала больше необычной и вкусной еды, чем за всю предыдущую жизнь. Во французской булочной неподалеку продают длинные багеты – не хлеб, а мечта, а в кондитерской – изумительные пирожные из множества тонких, как вафли, слоев теста. Не то что приевшиеся булочки с джемом, бисквиты с кремом и лепешки с шоколадной глазурью и кокосом, каких всюду навалом. Словом, куда ни повернись, всюду нектар и амброзия. Однажды я купила нечто под названием «картофельный салат» – вот это вкус! В другой раз за один присест умяла целую банку салата из сырой капусты, правда, пучило меня всю ночь, ну и пусть. Еще попробовала запеченный в форме кирпича мясной фарш с крутым яйцом внутри – называется «венгерский рулет». Саями вместо надоевшей ветчины, сыр «тильзитер» вместо мыльной гадости, которую вечно покупает мама, – порой мне кажется, что я умерла и вознеслась в кулинарный рай. Все эти роскошества обходятся совсем недорого, о чем я как-то с удивлением обмолвилась одному эмигранту в моем любимом магазинчике деликатесов. Его ответ развеял все мои сомнения насчет закона о запрете торговли по выходным и в вечерние часы: оказалось, все эти магазины и пекарни принадлежат семьям, правда, говоря об этом, мой новый знакомый смущенно почесывал нос. То есть формально здесь нет никаких наемных рабочих! Потому и цены низкие.

На витрины здешних магазинов нижнего белья я до сих пор смотрю, вытаращив глаза: при виде всех этих просвечивающих алых лифчиков и трусиков Дэвид рухнул бы в обморок. Белье прямо для потаскушек. Пэппи как-то предложила мне купить такое, когда мы гуляли однажды вечером, но я решительно отказалась.

– У меня слишком смуглая кожа, – объяснила я. – В черном или алом я буду выглядеть, будто у меня цирроз в последней стадии.

Я пыталась выведать, что у нее с Тоби, но Пэппи не клевала на приманку, сколько бы раз я ни закидывала удочку. Одно это возбуждает подозрения. Эх, придумать бы мне способ свести их вместе! Оба одиноки, оба заняты важным делом – Пэппи учебой, Тоби холстами. Они созданы друг для друга, у них были бы красивые дети.

Сегодня сестра Агата вызвала меня и сообщила, что со следующего понедельника меня переводят в травматологию. В «травму»! Я аж порозовела. Это же самая интересная работа – чего там только не увидишь, всех тяжелых больных отправляют туда, потому что с легкими справятся и в главной рентгенологии. В Королевской больнице рентген в «травме» делают с понедельника по пятницу! Все потому, что в выходные пациентов с травмами не привозят. Наша больница окружена заводами с севера, юга и с запада, а к югу от нее начинаются целые мили парков и спортивных площадок. Соседние жилые кварталы, ряды ветхих домов, наша больница обслуживает вместе с больницей Сент-Джордж. Само собой, правительство штата не прочь закрыть Королевскую больницу, а деньги, которые она лопает, как детишки – сахарную вату, отдать Сент-Джорджу и горстке маленьких больниц в западных районах Сиднея, население которых растет как грибы после дождя. Но ручаюсь, против нашей сестры-хозяйки даже министру здравоохранения не выстоять. Королевская больница не закроется, работа в «травме» мне обеспечена.

– Вы превосходный работник, мисс Перселл, – сказала сестра Агата со своим грушевым акцентом, – и умеете ладить с пациентами. Мы сразу заметили это.

– Да, сестра, спасибо, сестра, – благодарно кивала я.

Ура, «травма»!

Сегодняшнее желание: чтобы Пэппи и Тоби поженились.

Суббота

6 февраля 1960 года

Разбей себе башку об стену, Харриет Перселл, может, хоть думать научишься. Ну ты и балда! Дурища!

Сегодня мы с Пэппи с утра вооружились авоськами и кошельками и отправились за покупками. На Дарлингхерст-роуд в субботу утром ни души не увидишь, но в Кроссе все по-другому. По дороге нам попала ослепительная красotka с пуделем абрикосового цвета на ремешке с блестящими камешками, с ног до головы разодетая в абрикосовый шелк и такую же лайку. Волосы у нее были точно такого же оттенка, что и шерсть у пуделя.

– Ого! – не удержалась я, глядя ей вслед.

– Он сексапильный, да? – Пэппи усмехнулась.

– Он?

– В миру леди Ричард. Трансвестит.

– Ты хочешь сказать – гомик? – озадачилась я.

– Он помешан на тряпках, потому асексуален, а вообще многие трансвеститы – гетеросексуалы. Просто любят женскую одежду.

Так и начался этот разговор. В Доме мы с Пэппи почти не виделись, но часто встречались на работе, и я уже думала, что хорошо знаю ее. А оказалось, не знаю совсем.

Пэппи заявила, что пора мне уже закрутить роман, и я охотно согласилась с ней. Но, как оказалось, Норм из полиции нравов целуется паршиво – чуть не утопил меня в слюне. Выпив пива, мы расстались друзьями, но, по-моему, оба поняли, что продолжения не будет. А Тоби Эванс уже занят, хотя об этом Пэппи я пока не сказала. Жаль. Меня к нему тянет, и он, кажется, знает, что делать в постели. Мы шли по улице, а Пэппи втолковывала, что бесчувственных сухарей и невежественных мужланов мне и даром не надо.

– Твой первый мужчина должен быть опытным, внимательным и нежным, – объяснила она.

Меня разобрал смех.

– Тоже мне специалистка! – фыркнула я.

И тут выяснилось, что я попала в точку.

– Харриет, – с досадой сказала она, – ты не задумывалась, почему в выходные меня не было дома?

Я считала, что в выходные Пэппи зарывается в книги. Так и сказала ей.

– Ну и глупая же ты, Харриет! – воскликнула Пэппи. – В свободные дни у меня секс.

С мужчинами.

– С мужчинами? – изумилась я.

– Именно.

– Их что, много?

– Много.

Ну и что мне оставалось? Пока я придумывала, что сказать, мы свернули на Виктория-стрит.

– Зачем?

– Чтобы найти.

– Идеального любовника?

Пэппи замотала головой так яростно, словно хотела встряхнуть меня.

– Нет, нет, нет! Секс ни при чем, это духовный поиск. Понимаешь, я ищу родственную душу.

Я чуть не ляпнула, что ее родственная душа сейчас мажет краской холсты на чердаке, но вовремя придержала язык. Когда мы вернулись, на крыльце уже ждал какой-то молодой парень. Пэппи виновато улыбнулась мне, он поднялся, и я поспешила уйти в свою розовую квартирку, где сразу села и задумалась. Так вот что имел в виду Норм из полиции нравов, когда сказал, что Пэппи здесь как белая ворона! Наверное, она и с ним переспала.

Пора во всем разобраться, Харриет Перселл. Еще немного – и от твоих привычных представлений не останется и следа. Пэппи никак нельзя назвать порядочной девушкой, но лучше ее я никогда не встречала. Но порядочные девушки не отдаются кому попало. Так поступают шлюхи. Пэппи – шлюха?! Нет, ни в коем случае! В нашей компании из Бронте, а потом из Бонди и Уэверли только у меня одной не было ни единого романа, и при этом Мерл, к примеру, вовсе не считает себя шлюхой. Ух, какие эмоциональные бури я переживала вместе с Мерл, когда она влюблялась в очередной раз! Восторги, припадки бешенства, сомнения и, наконец, разочарования. А эти жуткие дни, когда Мерл ждала припозднившихся месячных! Когда они начинались, я представляла себя на ее месте и остро ощущала ее облегчение. Если нас что-нибудь и сдерживало, так лишь боязнь беременности. Аборты в наше время делают только вязальными спицами, единственная альтернатива – запятнанная репутация. Обычно дальше следует внезапное исчезновение месяца на четыре или неприлично поспешная свадьба и «недоношенный» ребенок. Но в любом случае, если девушка решает посидеть дома до родов, а потом отдать ребенка на усыновление или выходит замуж за первого встречного, ей перебивают косточки до конца ее дней. «Надо было выйти замуж!» или «Шила в мешке не утаишь: сначала она ходила как в воду опущенная, а этого парня и след простыл, потом пополнила в талии и вдруг на несколько месяцев укатила к бабушке в Западную Австралию! Нет, нас не проведешь!»

В таких пересудах я никогда не участвовала, но знала, что в этом деле лучше не зарекаться. И вот теперь поняла, что моя дорогая Пэппи играет с огнем напропалую – рискует и забеременеть, и подхватить венерическую болячку, и стать изгоем. Это надо же – заниматься сексом, чтобы найти родственную душу! Да разве так ее ищут? Беда в том, что я не знала, как надо искать. И понимала только одно: Пэппи не упала в моих глазах. Бедняга Тоби! Ему-то какво! Может, она и с ним была близка? Или такие ей не по вкусу? Не знаю, почему я так подумала, но, похоже, не ошиблась.

Я никак не могла успокоиться, поэтому решила пройтись, побродить среди пестрых толп, наводняющих Кросс. Но в прихожей я столкнулась с миссис Дельвеккио-Шварц, которая подметала пол. Точнее, делала вид, что подметает. Жесткая и редкая щетка только поднимала клубы пыли, которая снова оседала на пол. У меня на языке уже вертелся вопрос, не попробовать ли ей сначала посыпать пол мокрой заваркой, но задать его я не рискнула.

– А, красуля! – просияла она. – Идем ко мне, глотнем бренди.

– Впервые вижу вас с тех пор, как переселилась, – сказала я, поднимаясь по лестнице следом за ней.

– Незачем мешать человеку, когда у него полно хлопот, принцесса, – объяснила она, плюхаясь на свой стул на балконе и разливая бренди по стеклянным стаканчикам из-под сливочного сыра «Крафт». Фло, которая до сих пор цеплялась за материнскую юбку, теперь забралась ко мне на колени и улеглась, глядя на меня печальными янтарными глазами и в то же время улыбаясь.

Я пригубила мерзкий напиток, но так и не поняла, в чем его прелесть.

– Фло совсем не слышно, – продолжала я. – Она говорит?

– Без умолку, принцесса, – ответила миссис Дельвеккио-Шварц.

Она извлекла откуда-то колоду больших карт, устремила на меня рентгеновский взгляд и отложила карты.

– Что тебя тревожит? – спросила она.

– Пэппи говорит, что постоянно меняет мужчин.

– Так и есть.

– А вы как к этому относитесь? Я думала, хозяйки дома не разрешают девушкам водить к себе мужчин. Мне говорили, что из-за этого вы не стали сдавать квартиру по фасаду на первом этаже.

– Если женщине нравится спать с мужчинами, это еще не значит, что она порочна, – разъяснила она, сделав большой глоток. – Любить мужчин так же естественно и нормально, как справлять большую и малую нужду. А если речь о Пэппи, о чем тут думать? Секс – ее способ странствовать в этом мире. – Она еще раз пронзила меня рентгеновским взглядом. – А у тебя другой, верно?

Мне стало неловко, я заерзала.

– Вообще-то да, – подтвердила я и отпила еще глоток. На этот раз любимое пойло Уилли мне почти понравилось.

– Вы с Пэппи – противоположности, – сказала миссис Дельвеккио-Шварц. – Для Пэппи без прикосновений нет любви. Она Королева, или Владычица Мечей, к тому же Весы, а такое сочетание сильным не назовешь. В сущности, из-за Марса. Его аспект слишком слаб. И у Юпитера в гороскопе Пэппи тоже. Луна в Близнецах в квадрате с Сатурном.

Кажется, я ничего не перепутала.

– А у меня? – спросила я.

– Сначала скажи, когда ты родилась, принцесса.

– Одиннадцатого ноября в тридцать восьмом году.

– А-а, так я и знала! Скорпионша! Очень сильный знак. Где это было?

– В больнице Винни.

– Совсем рядом с Кроссом! В какое время?

Я задумалась.

– Кажется, днем. В одиннадцать часов одну минуту.

– Одиннадцать, одиннадцать... Вот оно как, красуля! – Она шумно выдохнула и заскрипела стулом, откидываясь на спинку и закрывая глаза. – Итак, детка... твой асцендент – Водолей, очень, очень хорошо!

Я не успела опомниться, как она уже стояла на четвереньках у низкого шкафа и выволакивала из нижнего ящика потрепанную, распадающуюся на страницы книгу, несколько листов бумаги и дешевый пластмассовый транспортёр. Один лист она сунула мне вместе с карандашом.

– Записывай все, что я тебе скажу, – велела она и обратилась к Фло: – Ангеленок, принеси свои цветные мелки.

Фло соскользнула с моих колен и затопотала в гостиную, откуда вернулась с пригоршней разноцветных мелков.

– Все, что мне нужно, я держу в голове – привыкла уже за столько лет, – продолжала миссис Дельвеккио-Шварц, заглядывая в потрепанную книгу и делая загадочные пометки на листе, на котором уже было начерчено что-то вроде круглого пирога, разделенного на двенадцать равных ломтиков. – Так-так, еще интереснее. Пиши, Харриет, не зевай! Три оппозиции, все очень сильные – Солнце с Ураном, Марс с Сатурном, Уран с Серединой неба. Все напряжение устраняют квадраты – повезло, да?

Она не диктовала, а говорила в привычном темпе, а я держала на руках Фло и кое-как записывала.

– Юпитер в первом доме в Водолее, твоём асценденте, – ух, сколько силы! Тебя ждет счастливая жизнь, Харриет Перселл. Солнце в десятом доме, значит, всю жизнь ты будешь делать карьеру.

Меня аж подбросило. Я нахмурилась.

– Ну уж нет! Провалиться мне на этом месте, если я соглашусь до самой пенсии торчать в рентгенологии! Сорок лет таскать на плечах свинцовый фартук и каждый месяц сдавать кровь! Дудки!

– Карьеры бывают разные, – усмехнулась она. – Венера тоже в десятом доме, а твоя Луна – в Раке. Сатурн на кuspиде между вторым и третьим домами, значит, тебе предстоит всегда присматривать за теми, кто не может сам позаботиться о себе. – Она вздохнула. – Тут еще много всякой всячины, но ничто и в подметки не годится твоему идеальному квинкунксу Луны и Меркурия!

– Квинкунксу? – Это слово мне ничего не говорило.

– Мне достаточно и этого аспекта, – продолжала она, с довольным видом потирая руки. – Можно долго изучать гороскоп, но так и не понять, в чем влияние квинкункса, и тем не менее жизнь зависит от него с самого рождения. – Еще раз просветив меня рентгеновским взглядом, она тяжело поднялась, ушла в комнату и открыла холодильник. Вскоре она вернулась с блюдом какой-то странной еды, похожей на кусочки разрезанной поперек змеи. – Вот, попробуй, принцесса. Это копченый угорь. Полезно для мозгов. Друг Клауса Лернер Чусович сам ловит и коптит их.

Копченый угорь на вкус был божественным, и я охотно принялась за угощение.

– Вы разбираетесь в астрологии, – дожевывая, заметила я.

– Еще бы мне не разбираться в ней! Ведь я прорицательница, – ответила она.

Вдруг я вспомнила крашеную даму из Северного предместья, а потом еще нескольких, которых я видела в прихожей, и все стало на свои места.

– А эти богатые дамы – ваши клиентки? – уточнила я.

– А как же, красуля! – Меня еще раз просветили холодными лучами. – Ты веришь в предначертания?

Я ответила не сразу:

– Отчасти. Трудно верить в то, что промысел Божий справедлив и разумен, когда работаешь в больнице.

– Бог тут ни при чем, мы говорим о предначертаниях.

Я ответила, что и в них мне верится с трудом.

– А для меня это работа, – продолжала миссис Дельвеккио-Шварц. – Я составляю гороскопы, гадаю на картах, вглядываюсь в Хрустальный Шар... – так она и сказала, с больших букв, – ...вызываю мертвых.

– Как?

– Понятия не имею, принцесса! – жизнерадостно отозвалась она. – Я вообще не знала, что способна на такое, пока мне не стукнуло тридцать.

Фло влезла ей на колени и запросила молока, но мать решительно ссадила ее на пол.

– Не сейчас, ангеленок, мы с Харриет разговариваем.

Миссис Дельвеккио-Шварц снова сходила к шкафу, принесла какой-то тяжелый предмет, накрытый грязно-розовым шелком, и водрузила на стол. Затем протянула мне колоду карт. Я перевернула их, ожидая увидеть привычные масти, но на этих картах были рисунки. На верхней карте обнаженную женщину обвивала радужная гирлянда.

– Это Мир, или Вселенная, – пояснила миссис Дельвеккио-Шварц.

На следующей карте рука держала кубок, из которого тонкими струйками выливалась жидкость. Голубь с чем-то маленьким и круглым в клюве парил вниз головой над кубком, на котором виднелось что-то вроде буквы W.

– Туз Кубков, – сказала прорицательница.

Я осторожно отложила колоду.

– Что это?

– Карты Таро, принцесса. Они помогают мне во всем. Если хочешь, я прочитаю по ним твою судьбу. Задай мне вопрос о своем будущем, и я на него отвечу. Я могу целыми днями не выходить из комнаты, раскладывать карты, как цыганка, и знать все, что творится в Доме, за жильцами которого я приглядываю. У карт есть голоса. Они говорят.

– Вы слышите их, а я нет. – Меня вдруг пробил дрожь.

Она продолжала, точно не услышала меня:

– А это Шар. – И она сдернула грязно-розовый шелковый лоскут с тяжелого предмета. Потом она взяла меня за руку и приложила ее к прохладной поверхности красивого шара. Стоящая рядом Фло вдруг ахнула и юркнула за спину матери, а когда снова выглянула, то уставилась на Шар широко раскрытыми глазами.

– Он из стекла? – спросила я. Как зачарованная я разглядывала перевернутое отражение хозяйки, балкона и платана.

– Нет, он самый настоящий, хрустальный. Ему тысяча лет. Этот Шар все видит и знает. Я редко им пользуюсь: заглянешь в него, а потом кажется, будто у тебя белка.

– Белка?

Сколько еще вопросов мне предстоит задать?

– Белая горячка – ну, помешательство. Смотришь в Шар – и никогда не знаешь, что прилипнет к стеклу изнутри. Нет, уж лучше карты. А когда приходят дамы, мне помогает Фло.

Как только прозвучало имя малышки, я поняла, почему мне рассказывают все это. По какой-то неизвестной мне причине миссис Дельвеккио-Шварц решила посвятить меня в свою тайную жизнь. И я задала еще один вопрос:

– Фло?

– Ага, она. Фло – мой медиум. Она просто знает ответы на вопросы, которые задают дамочки. Мне дар достался не от рождения, просто прорезался, когда мне были нужны деньги – ох как нужны! Скажу честно, сначала я ничего не предсказывала, просто жульничала. Только потом оказалось, что у меня дар. А Фло родилась такой. Знаешь, иногда она пугает меня до полусмерти.

Да, и меня эта девочка порой пугала, хотя отвращения не вызывала. Я сразу поверила ее матери: Фло выглядела существом из другого мира, поэтому я без труда верила, что с тем миром она поддерживает связь. Может, там ее место. Или она просто душевнобольная. Такое случается и с детьми. Узнав обо всем, я еще больше полюбила Фло. Мне стало ясно, откуда в ее глазах такая скорбь. Как много она, должно быть, видит и чувствует! И это происходит само собой.

После выпитого стаканчика бренди я с трудом спустилась по лестнице, но не рухнула в постель сразу же: мне хотелось все записать, пока еще свежа память. Сидя с ручкой в руке, я гадала, почему не возмутилась, почему мне даже в голову не пришло отругать миссис Дельвеккио-Шварц за эксплуатацию малолетней дочери. Я смогла бы – язык у меня подвешен как надо. Но случившееся выходило за рамки моих знаний и понимания; всего за несколько дней в Доме я как будто повзрослела. По крайней мере мне так казалось. Я изменилась, стала совсем другой. Обаятельное чудовище по имени миссис Дельвеккио-Шварц мне нравится, а ее дочь я люблю. А от упреков я удержалась лишь потому, что осознала: есть многое на свете, друг Горацио, что не вписывается в мировоззрение жителей Бронте. Отныне путь туда мне закрыт. В Бронте мне уже никогда не вернуться.

Фло – медиум. Ее мать дала мне понять, что с помощью Хрустального Шара общалась с мертвыми, но ни словом не обмолвилась о том, что с ними говорит и Фло. Девочка просто знает ответы на вопросы, которые задают «дамочки». Мне вспомнились все эти «дамочки», и я поняла, что они не из тех, кто жаждет встреч с дорогими усопшими. Все они выглядели по-разному, но ни одна не казалась убитой горем. До меня дошло: причины, которые привели

их к миссис Дельвеккио-Шварц, связаны с нашим миром, а не с потусторонним. Хотя Фло – существо из другого мира.

Должно быть, в самом начале, когда миссис Дельвеккио-Шварц еще приходилось мошенничать, чтобы заработать, она ценила деньги. На них она приобрела Дом. Но почему сейчас в ее комнатах так пусто и уныло? Очевидно, миссис Дельвеккио-Шварц нет никакого дела до уюта, и Фло тоже. Где бы они ни жили, им не нужны нарядные платья и удобные диваны. Я даже поняла, почему мать до сих пор кормит Фло грудью: девочка нуждается в этих узах с ней. Ах, Фло! Ангеленок... Твоя мать для тебя – целый мир, его начало и конец. Она твоя опора и прибежище. Спасибо, что ты и меня одарила вниманием, ангеленок. Я признательна тебе.

Понедельник

8 февраля 1960 года

Сегодня утром я приступила к работе в травматологии – как я и думала, она оказалась непростой. Все в моей жизни смешалось: работа, нимфомания, предсказания будущего. Правда, не знаю, можно ли считать нимфоманией секс по выходным. Но не прошло и десяти минут рабочего дня, как я забыла обо всем на свете, кроме рентгена.

Нас здесь трое: старший, средний (я) и младший рентгенологи. Кристина Ли Гамильтон, как представилась моя начальница, особой симпатии у меня не вызывает. Ей тридцать пять, и, судя по подслушанным обрывкам разговоров между ней и медсестрой «травмы», у нашей шефини синдром старой девы в начальной стадии. Если к тому времени, как мне стукнет тридцать пять, я все еще буду одинока, я лучше перережу себе глотку, чем поддамся этому синдрому. Его причины – девственность, а в случае крайней бедности – необходимость всю жизнь провести под одной крышей с родственниками. Основной симптом – патологическое стремление заарканить мужчину. Выйти замуж. Нарожать детишек. Состояться как женщина. Могу только посочувствовать, но страдать этим недугом не собираюсь. Никак не пойму, что движет женщинами с синдромом старой девы: то ли желание любить и быть любимыми, то ли стремление стать наконец обеспеченными материально. Конечно, наша Крис – квалифицированный специалист, ей платят, как мужчинам, но если бы ей вздумалось попросить в банке кредит на покупку дома, ей дали бы от ворот поворот. Банки не предоставляют кредиты женщинам, даже если те платежеспособны. Вдобавок большинству женщин платят мало, так что отложить на старость почти ничего не удастся. Об этом мы как-то говорили с Джим – она квалифицированный печатник, но мужчинам за такую же работу платят больше. Неудивительно, что женщины вообще не желают знать мужчин. Боб – секретарша у какого-то магната, ей уж точно не переплачивают. А если трудишься в государственном учреждении, то после замужества с работой придется распрощаться. Вот почему все сестры и начальницы отделений – старые девы. Правда, среди них есть и вдовы.

– Если бы не миссис Дельвеккио-Шварц, мы жили бы хуже собак, – сказала мне Джим. – Вечно боялись бы, что про нас узнают и выставят за дверь, а собственное жилье нам вообще не по карману. Дом – наше спасение.

Так вот, о Крис Гамильтон. Беда в том, что на таких, как она, мужчины не клюют. Фигура бочонком, волосы ни в одну прическу не уложишь, очки, неудачный макияж и коротенькие, как у рося, ножки. Но все было бы поправимо, будь у нее хоть капля здравого смысла, а его-то как раз и нет. Я про отношение к мужчинам: стоит мужчине, особенно в белом халате, забрести к нам, как Кристина становится сама не своя – жеманится, суетится, из кожи вон лезет, лишь бы на нее обратили внимание. Само собой, не перед носильщиками-эмигрантами – этих она не замечает, но даже санитарам перепадает чашка чаю с печеньем и кокетливой беседой. Так бывает всегда, если у нас нет запарки. Закадычная подруга Крис – Мария О'Каллахан, сестра «травмы». Обе снимают квартиру в Куджи, они ровесницы. И у обеих синдром старой девы! Почему женщины не считают себя людьми, пока у них нет мужа и детей? Если бы Крис прочла эти строки, она только усмехнулась бы и сказала, что мне-то хорошо – я симпатичная, у меня отбоя нет от ухажеров. Но к чему подчеркивать эти различия?

Младшая лаборантка у нас застенчивая и, как во всех отделениях, где много работы, почти не показывается из темной комнаты. Я еще помню, как стажировалась сама: мне порой казалось, что для работы в «Кодаке» я подготовлена лучше, чем в рентгенологии. Но малопомалу все образовалось, нам хватило опыта, чтобы сначала сдать экзамены, а потом отправ-

лять подчиненных в темные комнаты. Разница лишь в том, что в «травме» мы не имеем права ошибиться или запороть пленку.

Пяти минут не прошло, прежде чем я осознала, что и в травматологии меня не оставят в покое. Хирург-ординатор, заглянувший к нам в лабораторию вместе со старшим врачом, взглянул на меня и тут же сделал стойку. Не знаю, почему я так действую на некоторых врачей (хорошо еще, не на всех!), тем более что у меня и в мыслях нет заводить отношения с людьми в белых халатах. Лучше остаться старой девой, чем выйти за человека, которого могут в любой момент вызвать на службу. И разговоры у них только о медицине. Пэппи говорит, что я сексапильная, но если про Брижит Бардо так говорят, значит, я не понимаю смысл этого слова. Я не виляю задом, не надуваю губы, не бросаю на мужчин томные взгляды и не выгляжу так, будто у меня в голове нет ни одной извилины. Если не считать встречи с мистером Дунканом Подхалимом Форсайтом, я всегда смотрю мужчинам прямо в глаза. Врачей я ничем не поощряю, а они по-прежнему увиваются вокруг меня. Наконец я не выдержала и прогнала их – к ужасу Крис (и нашей подчиненной).

К счастью, как раз в этот момент в наши двустворчатые двери вкатили больного с подозрением на трещину шейного отдела позвоночника. И я занялась делом, твердо решив не дать Крис Гамильтон ни единого повода пожаловаться на меня сестре Агате.

Скоро я обнаружила, что у меня совсем не остается времени обедать с Пэппи – мы перекусываем на бегу. За четыре часа, которые я провела на новом месте, к нам привезли трех больных с подозрениями на трещины позвоночника, переломовывихом Потта на большеберцовой, малоберцовой и таранной костях, несколькими осколочными переломами длинных костей, трещинами ребер, десятками других травм и одного с серьезной травмой головы и в коме, которого прямо от нас увезли в нейрохиргию на операцию. Как только Крис перестала дуться на врачей, она приняла меры, чтобы хотя бы внимание пациентов мне не доставалось безраздельно. На этом мы и поладили.

Наша лаборатория официально открыта с шести утра до шести вечера. Крис взяла себе раннюю смену, чтобы заканчивать к двум, а мне предстояло выходить на работу к десяти и заканчивать ее в шесть.

– Никогда не видела, чтобы мы заканчивали вовремя, – заявила Крис, в половине четвертого застегивая пальто, надетое поверх формы, – с другой стороны, такая у нас работа. Я не одобряю, когда задерживают младших лаборанток, так что будьте любезны отпустить ее в четыре – конечно, если ничего экстренного не случится.

«Будет исполнено, мэм».

Я освободилась только в восьмом часу – такая усталая, что уже подумывала, не взять ли мне такси. В конце концов я поплелась домой пешком, хотя и знала, что в Сиднее девушкам по вечерам лучше не бродить. Но я рискнула, и ничего со мной не случилось. До самой больницы Винни я не встретила ни души. Ну все, спать. Я вымоталась.

Вторник

16 февраля 1960 года

Сегодня я наконец-то увиделась с Пэппи. Толкнув входную дверь, я чуть не сшибла ее с ног. Наверное, она просто шла прогуляться, потому что отменила прогулку и согласилась зайти ко мне в гости на кофе.

Устроившись в кресле, я присмотрелась и вдруг заметила, что Пэппи неважно выглядит. Ее кожа стала желтоватой, глаза – более узкими, чем обычно, под ними появились черные круги усталости. Губы припухли, за ушами виднелись уродливые ссадины. Вечер выдался теплым, но Пэппи не снимала кофту с длинными рукавами – значит, у нее и руки в синяках?

Готовлю я отвратительно, потому предложила самое простое: жареные сосиски с салатом из сырой капусты и картошки, который мне до сих пор не приелся. Пэппи с улыбкой покачала головой.

– Попроси Клауса, пусть научит тебя готовить, – посоветовала она. – Он гений, а у тебя темперамент в самый раз для поварихи.

– А каким он должен быть, этот темперамент? – спросила я.

– Как у тебя. Ты расторопная и организованная, – ответила она и откинула голову на высокую спинку стула.

Конечно, я поняла, что стряслось. Кто-то из воскресных гостей грубо обошелся с Пэппи. Но она, само собой, не призналась бы в этом даже мне. Меня так и подмывало объяснить ей, чем она рискует, ложась в постель с едва знакомыми мужчинами, но что-то меня остановило, и я промолчала. Хотя с Пэппи я ладила лучше, чем с Мерл, – интересный подтекст! – у меня возникло неожиданное чувство, что кое в какие дела мне не стоит соваться. Мы с Мерл были равными, пусть даже она пережила пару бурных романов, а я ни одного. С другой стороны, Пэппи не только на десять лет старше меня, но и гораздо опытнее. Мне не хватит духу даже притворяться, будто я ей ровня.

Пэппи жалела, что в последнее время мы редко видимся – не обедаем вместе, не ходим до больницы и обратно. Крис Гамильтон она знала и считала стервой, так же как и я.

– Ты с ней поосторожнее – вот как она выразилась.

– Если ты хочешь сказать «на мужчин не заглядывайся», я так и делаю, – ответила я. – Хорошо, что у нас дел по горло. Пока она поит чаем какого-нибудь болвана в белых штанах, я работаю. – Я осторожно прокашлялась. – А у тебя все хорошо?

– Так себе, – со вздохом ответила она и сменила тему: – Ты с Гарольдом уже встречалась? – Вопрос был задан нарочито небрежно. Он удивил меня.

– С учителем, который живет надо мной? Нет.

Развивать эту тему Пэппи не стала, и я последовала ее примеру.

Она ушла, а я поджарила себе пару сосисок, с аппетитом съела, закусывая салатом из картофеля и сырой капусты, а потом в поисках общения отправилась наверх. Чтобы явиться на работу к десяти, рано вставать не надо, и я поняла: если я лягу спать сейчас, то проснусь вместе с птицами. К Джим и Боб явно заглянули гости: из-за двери доносился гул незнакомых голосов и безудержный звучный хохот. Лестница в мансарду Тоби была опущена, я позвонила в колокольчик, который он пристроил у входа специально для гостей, и дождалась разрешения войти.

Тоби стоял у мольберта, зажав в зубах три кисточки, а четвертую держа в правой руке.левой рукой он размазывал по сухой поверхности холста микроскопическое пятнышко краски. Получалось что-то вроде негустой струйки дыма.

– А ты левша, – вдруг сообразила я, садясь в белое вельветовое кресло.

– Наконец-то заметила, – усмехнулся Тоби.

Может, картина у него на мольберте и была шедевром – не мне судить. Я видела на ней что-то вроде террикона, над которым в грозное небо поднимался дым. Удачно были схвачены только цвета – удивительно броские, неожиданные.

– Что это? – спросила я.

– Террикон в грозу, – объяснил он.

Попала в точку! Знаток живописи Харриет Перселл вновь оказалась права!

– А разве терриконы дымятся? – удивилась я.

– Этот дымится. – Он закончил растирать краску, отнес кисти к старой раковине, покрытой белой эмалью, и старательно промыл их эвкалиптовым мылом, потом вытер, а раковину отполировал пастой «Бон ами». – Маешься от безделья? – спросил Тоби, ставя чайник.

– Вообще-то да.

– А книжку почитать не додумалась?

– Я часто читаю, – обиделась я – оказывается, и Тоби умеет говорить обидные слова! – Но теперь я работаю в травматологии. После суматошного дня я не в состоянии читать. А ты невоспитанный нахал.

Он с усмешкой обернулся, поигрывая бровями – на редкость обаятельная гримаса!

– Да, у тебя речь начитанного человека, – согласился он, свернул фунтиком лист фильтровальной бумаги, вставил ее в стеклянную лабораторную воронку и насыпал на бумагу молотый кофе. Я с любопытством наблюдала за ним: мне еще не доводилось видеть, как он готовит кофе. Сегодня ширма была сложена и отставлена к стене – должно быть, хозяин посадил на нее пятно и еще не успел вывести его.

Кофе оказался бесподобным, но я решила, что не буду изменять моей новенькой электрокофеварке. Обращаться с ней проще, кофе мне любой сойдет. А Тоби привереда, это у него в крови.

– И что же ты читаешь? – спросил он, садясь и забрасывая ногу на подлокотник кресла.

Пришлось перечислять все, что я прочла, – от «Унесенных ветром» до «Лорда Джима» и «Преступления и наказания», после чего я узнала, что сам Тоби читает только бульварные газеты и книги о том, как рисовать маслом. Я вдруг поняла, что он страдает чудовищным комплексом неполноценности оттого, что не получил фундаментального образования. Свой изъян Тоби воспринимал так болезненно, что я не отважилась предложить ему помощь.

Я всегда думала, что художники одеваются как бродяги, а Тоби знал толк в хорошей одежде. Террикон в грозу он рисовал, вырядившись так, что и на сцену было бы не стыдно выйти, будь он не художником, а участником ансамбля «Кингстон трио»: на мохеровый свитер с вырезом лодочкой выпустил безукоризненно отутюженный воротник рубашки, брюки выгладил так, что о стрелки можно порезаться, черные кожаные ботинки отполировал до зеркального блеска. Он ухитрился ни разу не испачкаться краской, а когда наклонился надо мной, наполняя кружку, я унюхала только запах дорогого хвойно-травяного мыла. Видно, закручивание гаек на заводе – прибыльное дело. Понемногу узнавая Тоби, я думала, что и его гайки должны быть совершенством, затянутым не слишком туго, не слабо, а в самый раз. Когда я сказала ему об этом, он смеялся до слез, но в ответ шутить не стал.

– Ты уже знакома с Гарольдом? – позже спросил он.

– Второй раз за сегодня слышу этот вопрос, – сказала я. – Нет, и Клауса тоже не видела, но почему-то про него меня никто не спрашивает. Выходит, Гарольд – важная птица?

Тоби пожал плечами, не удосужившись ответить.

– Пэппи спрашивала?

– Она ужасно выглядит.

– Знаю. Какой-то ублюдок распустил руки.

– И часто такое бывает?

Тоби покачал головой, старательно уклоняясь от моего взгляда в упор. Он выглядел озабоченным, но не измученным. Здорово он умеет притворяться! А ведь ему, должно быть, больно чувствовать себя отвергнутым. Мне хотелось утешить его, но с недавних пор я не спешу выкладывать все, что у меня на уме, потому промолчала.

Мы перевели разговор: Тоби рассказал, как им с отцом жилось среди степей, заросших травой Митчелла – по его словам, они простираются на сколько хватает глаз, словно «серебристо-золотой океан». Я никогда не бывала в степях, но после этих слов отчетливо представила их себе. Почему мы, австралийцы, так равнодушны к своей родине? Почему нас вечно тянет в Англию? Мне повезло поселиться в одном доме с удивительными людьми, хотя я чувствую себя среди них жалкой мошкой, ничтожеством. Я не знаю ровным счетом ничего! Неужели я когда-нибудь осмелюсь смотреть им в глаза, как равным?

Среда

17 февраля 1960 года

Господи, с какой стати вчера я впала в такой самоуничижительный тон? Это Тоби виноват, он на меня подействовал. Интересно было бы узнать, как он занимается любовью! Не понимаю Пэппи: неужели она не видит, кого упускает?

Суббота

20 февраля 1960 года

Вот я и отважилась. Пригласила родных к себе на ужин в новую квартиру. И Мерл тоже позвала, но она не пришла. В январе, пока я еще работала в грудной рентгенологии, она звонила мне, а я попросила младшую лаборантку сказать, что я не смогу подойти – мол, нам запрещено на работе вести личные разговоры по телефону. Видно, Мерл приняла это на свой счет и надулась, потому что с тех пор я несколько раз названивала ей, а ее мать каждый раз говорила, что Мерл нет дома. Мерл работает в парикмахерской, там никто не запрещает вести личные разговоры в рабочее время. В Райде нам тоже многое разрешали, но Королевская больница – совсем другое дело. То-то и оно.

Мне хотелось позвать на ужин миссис Дельвеккио-Шварц и Фло, но хозяйка дома только усмехнулась и пообещала зайти попозже, поздороваться со всеми.

Особого успеха ужин не имел, хотя вроде бы прошел гладко. За столом мы все едва расселись, лишние стулья пришлось нести из опять опустевшей квартиры на первом этаже. Ее снимали две женщины и мужчина, якобы их брат, но я ни за что не поверю, что бывают на свете такие ревнивые братья. По сравнению с той «сестрой», которая была посимпатичнее, Крис Гамильтон показалась бы Авой Гарднер, от обеих «сестер» исходил застоялый запах дешевых духов, смешивающийся с вонью пота. «Брат» смердел только потом. Сестрички вовсю торговали собой, пока миссис Дельвеккио-Шварц не позвонила в полицию нравов и оттуда не прибыл тюремный фургон. В порту как раз стоял американский авианосец, и в четверг вечером, открыв парадную дверь, я увидела целую ораву матросов: они расселись на ступеньках лестницы, устроились на корточках в прихожей, обтирая спинами каракули Фло, десятками наведывались в верхнюю уборную, где воду спускали так часто, что унитазы стонали и захлебывались. Но с миссис Дельвеккио-Шварц такие номера не проходили. «Братца» и его «сестер» под руки вывели из дома и затолкали в фургон, а матросы сами разбежались кто куда при виде парней в синей форме за спинами Норма и его сержанта – неповоротливого здоровяка по имени Мерв. Спасители наши Норм и Мерв, гордость полиции нравов Кингс-Кросса!

Обидно, что своим родичам рассказать эту историю я не решилась.

Так как с Клаусом я до сих пор не познакомилась и учиться готовить даже не начала, пришлось выдавать за собственную стряпню покупки из моих любимых магазинчиков. Но гости не оценили ни салат с макаронами, ни долму, ни окорок. На сладкое я припасла божественное апельсиновое пирожное: тонкие коржи, проложенные толстыми слоями ароматного масляного крема. Гости к нему почти не притронулись. Что подделаешь, если по ночам, когда в животе урчит от голода, моей семье снятся бифштексы с картошкой, «пятнистая колбаска», заварной крем и мороженое с шоколадным сиропом.

Мои гости расхаживали по комнатам, как кошки, попавшие в незнакомое место, которое к тому же им не по душе. Братья распинали мою занавеску из бус и нахально влезли ко мне в спальню, мама с папой в нее даже не зашли, а бабуле каждые полчаса приспичивало по-маленькому. Бедной маме приходилось водить ее в уборную возле прачечной, потому что взгромоздиться на мой унитаз в синих птичках бабуля сама не могла. Я извинилась за состояние унитаза и ванны и пообещала, что, как только выберу время, сразу же покрою их велосипедной эмалью, чтобы были как новенькие. «Они у меня будут кобальтовыми, белыми и алыми», – тархтела я. Обязанность поддерживать разговор тоже легла на меня.

Когда я спросила, видел ли кто-нибудь из наших Мерл, мама рассказала, что Мерл решила, будто я зазналась, особенно с тех пор, как переселилась на новое место. Конечно,

Мерл не поверила, что в Королевской больнице персоналу запрещено в рабочее время болтать по телефону. Мама растолковывала мне все это терпеливо и мягко, чтобы подсластить разочарование, но я лишь пожала плечами. Скатертью дорога, Мерл.

Новостей о Дэвиде мне принесли больше, чем о Мерл, хотя моих родных он не навещал – наверное, стеснялся появиться у нас с фонарем, который я ему поставила под глазом.

– У Дэвида новая девушка, – будто невзначай обронила мама.

– Надеюсь, католичка, – в тон ей отозвалась я.

– Верно. Ей всего семнадцать.

– В самый раз. – И я вздохнула с облегчением. Хватит с меня Дэвида Меркисона! Пусть лепит себе жену из нового куска глины.

После того как я убрала несъеденное пирожное и заварила чай, к нам присоединились миссис Дельвеккио-Шварц и Фло. Ох. Мои родные не знали, что и подумать! Одна вообще не говорит, другая говорит, но с акцентом, а одежда на обеих неглаженная – хорошо еще, что чистая. Фло, как всегда босая, была наряжена в обычный передничек табачного цвета, а ее мать щеголяла халатом в оранжевых маргаритках на ярко-сиреневом фоне.

Одарив моего рослого и спортивного папу явно кокетливым взглядом, домовладелица села и завладела папиным вниманием – к нескрываемой досаде мамы. Темой для разговора миссис Дельвеккио-Шварц избрала мое имя и фамилию – все допытывалась у папы, почему он наградил злополучным именем свою единственную дочь. Обычно равнодушный к авансам со стороны дам, папа вдруг расцвел и даже попытался флиртовать! Пусть ему и за восемьдесят, с виду и шестидесяти пяти не дашь. Наблюдая за ним и хозяйкой дома, я вдруг подумала, что они неплохо смотрятся вместе. К тому времени, как миссис Дельвеккио-Шварц ушла, мама была так зла, что даже бабуля сидела, сжав ноги и сведя глаза в одну точку, но не осмеливаясь попроситься в уборную. Только когда шаги хозяйки затихли в коридоре, мама соизволила вспомнить про бабулю. Я и не думала, что мама бывает такой ревнивой.

– От этой девчонки у меня мурашки по коже, – признался Гэвин. – Можно подумать, Бог сначала решил сделать ее недоразвитой, да по ошибке дал ей мозги.

Я вскипела, как мама, и была готова стереть его в порошок. Безмозглый олух!

– Фло не такая, как все! – рявкнула я.

– Сдается мне, этого ребенка морят голодом, – вынесла приговор бабуля, вернувшись из туалета. – А ее мать – какая туша! Вульгарная особа.

Более уничижительной характеристики в бабулином лексиконе нет. Вульгарная. Мама с жаром поддержала ее.

Вот так. В десять я проводила их и постояла у калитки, махая вслед папиному новому «форду» и надеясь, что больше я его здесь не увижу. Могу лишь догадываться, что они сказали обо мне, моей квартире, Доме, Фло и миссис Дельвеккио-Шварц, но, кажется, папа иного мнения о нашей домовладелице, чем мама. А еще ручаюсь, что старая хитрюга нарочно разыграла комедию, чтобы семейство Перселл не повадилось слишком часто бывать в Доме.

Плакать мне хочется по другой причине: меня буквально распирало желание поделиться впечатлениями, мнениями и выводами обо всем, что произошло со мной за последние четыре недели, но едва я заметила, какими глазами мои родные посмотрели на каракули Фло в прихожей, как поняла, что откровенничать с ними мне не хватит духу. Но почему, если я по-прежнему люблю их больше жизни? Да, люблю. Честное слово! Но чувствую себя так, будто стою на пристани и провожаю подругу, уплывающую в Англию на старых добрых «Гималаях». Стою, смотрю на сотни лиц над поручнями, держу в руке ярко раскрашенный бумажный кораблик, а большой корабль отдаляется от причала, и вот уже все бумажные

кораблики с моим вместе качаются на грязных волнах, и толку от них никакого, разве что плавучего мусора в гавани стало больше.

Надо будет съездить в Бронте, проведать наших. Кажется, где-то в дневнике я уже клялась, что больше туда ни ногой, но я хотела сказать, что моей душе там не место. А тело все равно будет делать то, что велит ему долг.

Воскресенье

28 февраля 1960 года

Завтра я могу предложить жениться на мне какому-нибудь парню, который мне нравится. А все потому, что идет високосный год и в феврале двадцать девять дней. Размечталась!

Сегодня я познакомилась с Клаусом, который не уехал в Боурел на выходные. Клаус – пухленький коротышка лет пятидесяти с лишним, у него большие круглые блекло-голубые глаза. По его рассказам, в войну он служил в германской армии – был канцелярской крысой на складе возле Бремена. Так что в лагерь для пленных в Дании его отправили англичане. Потом ему предложили на выбор Австралию, Канаду или Шотландию. Клаус выбрал Австралию, потому что она дальше, два года прослужил клерком в государственной организации, а потом вернулся к своей основной профессии – ювелирному делу. Когда я спросила, не согласится ли он поучить меня готовить еду, Клаус весь просиял и с удовольствием согласился. По-английски он говорит хорошо, прямо как американец, и никакой татуировки «СС» у него под мышками нет: я лично убедилась, когда он в одной майке развешивал белье. Так что иди-ка ты подальше, Дэвид Меркисон, со своей предубежденностью против новых эмигрантов. Мы с Клаусом договорились встретиться в девять в следующую среду – он заверил, что в Европе это время не считается поздним. Уверена, к тому времени я буду дома, даже если в «травме» случится запарка.

В пятницу вечером я заехала в паб «Пиккадилли» и купила кварту бренди «три звездочки» у Джо Дуайера, с которым близко познакомилась с тех пор, как распробовала спиртное. Вернувшись домой, я сама нанесла визит хозяйке дома, которая с воодушевлением встретила меня. Эта женщина будоражит мое любопытство, мне хочется разузнать о ней побольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.